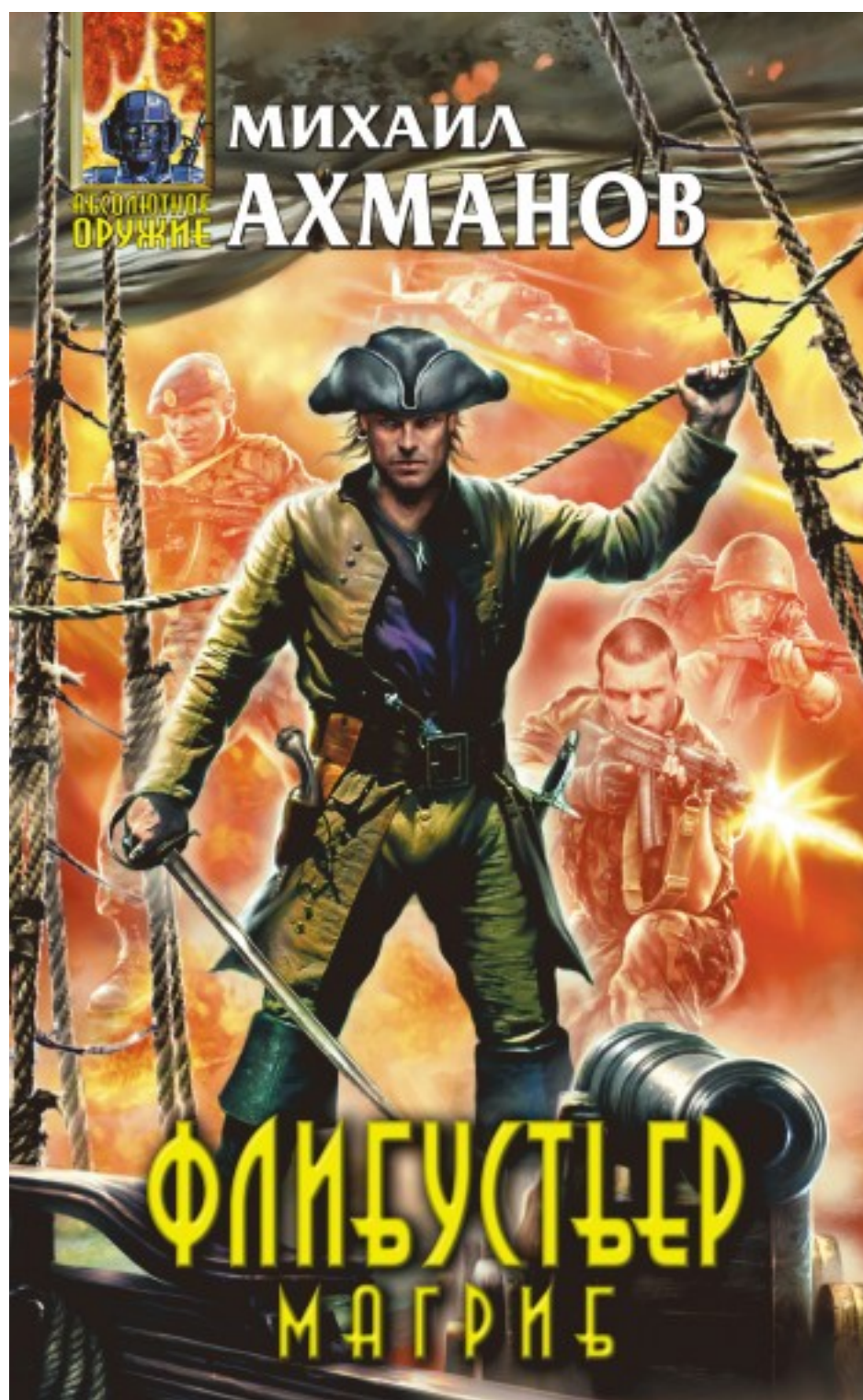

МИХАИЛ
АХМАНОВ

Михаил Ахманов
Флибустьер. Магриб
Серия «Флибустьер», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157838
Флибустьер. Магриб: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38572-0*

Аннотация

Частный детектив Андрей Серов, бывший спецназовец, в результате одного из запутанных расследований оказывается... в XVIII веке. Пройдя путь в тысячи миль, полных опасностей и приключений, Андрей становится капитаном пиратского фрегата «Ворон» и по совместительству маркизом Андре де Серра. Но блеск золота, адреналин набегов и абордажей так и не превратились в смысл его жизни. Он хочет привести свой фрегат в Россию и послужить царю Петру, которому в войне со шведами крайне необходимы опытные мореходы. Однако добраться из Вест-Индии на Балтику непросто. Первый же шторм у Канар ломает все планы. А нападение на «Ворона» магрибских пиратов, хозяев Западной Атлантики и Средиземноморья, заставляет и вовсе отложить поход на север – в плену оказываются верные соратники и красавица-жена Андрея Шейла. Их надо освободить во что бы то ни стало!

Ранее книга издавалась под названием «Ворон».

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Ахманов

Флибустьер. Магриб

Часть I

Магрибские моря

Глава 1

Дорога на восток

Я именую всех этих людей пиратами, ибо сами они иначе себя не называют, не прикрываются иными прозваниями или титулами и не подчиняются никому на свете. Об этом свидетельствует такой случай. Однажды король Испании, отправляя послов к французскому и английскому дворам, потребовал от этих монархов, чтобы они наказали тех своих подданных, которые, не зная угомона, то и дело сгоняют испанцев с их насиженных мест и грабят города и поселения, хотя войн Испания ни с Англией, ни с Францией давно не ведет. Короли ответили испанским послам, что люди эти им не подчиняются и его Католическое Величество волен поступать с ними, как ему заблагорассудится.

*А.О. Эксквемелин, «Пираты Америки»,
Амстердам, 1678 г.*

Свистели в снастях буйные ветры, глухо рокотал океан, волны стучали и бились о борт «Ворона», обдавая лицо солеными прохладными брызгами. Вал катился за валом нескончаемой чередой, то поднимая фрегат к серому хмурому небу, то опуская его в пропасть между водяных холмов, темных и упругих, похожих на мускулы гиганта, игравшего тварями морскими, хрупким кораблем и сотней человеческих жизней. Волны были неторопливыми, длинными, плавными; океанские волны, а не крутые и короткие, как в Средиземном море. Морем этим Серов любовался когда-то с испанского берега и с итальянского, но то случилось в прошлой жизни, растаявшей, как смутный предрассветный сон. В той жизни, где он был гимнастом цирка, скитавшимся по всей Европе, бойцом ОМОНа, частным сыщиком и занимался другими делами, совсем непонятными, невероятными для восемнадцатого века, начавшегося год назад. В той жизни остались мама и отец, сестренка Лена и племянники, Москва, Петербург, немирная Чечня и вся планета, вступившая в двадцать первое столетие и пребывающая в нем уже без Андрея Серова. Без странника во времени, который провалился в прошлое на три бесконечно долгих века... И хотя в своем мире он прожил тридцать лет, а в этом, новом – восемь с чем-то месяцев, тот мир поистине стал сном, а этот – суровой реальностью. И был он тут не Андреем Серовым, а Андре Серра, корсаром и капитаном фрегата «Ворон», и нынче, в осень 1701 года, плыл его фрегат из пиратских морей Вест-Индии в далекую Балтику, на родину, в Россию.

Должен был плыть... Должен был идти наискосок по океану, от Бермуд прямо на норд-ост к берегам Британии, потом через Северное море к проливам Скагеррак и Каттегат, чьи названия помнились с детства, и дальше к Финскому заливу и Неве, где, быть может, уже заложили российский оплот, крепость святых Петра и Павла... Должен был плыть!

Но человек предполагает, а Бог располагает. Обещал ван Мандер, шкипер-навигатор «Ворона», что придут они в Неву еще до ноябрьских штормов, однако не получилось. Не вышло! Должно быть, по той причине, что Божья длань в восемнадцатом веке была куда сильнее, чем в двадцать первом, – ведь не имелось тут ни спутников, следящих за погодой, ни радио и радаров, ни мощных дизелей, ни стальных судов, которым нипочем любые штормы. Налетел за Бермудами шквал, разыгралась буря, и кружила она фрегат больше двух недель, и носила его как опавший листок, рвала паруса и канаты, выла зверем, заливала палубу водой и пеной. На пятый день сошла с креплений станина с пушкой и начало ее бить о борт, а в бурю нет ничего опаснее, чем этакий бронзовый таран весом в три четверти тонны. Уот Стур и Сэмсон Тегг, первый и второй помощники, собрав самых крепких парней: Хенка и братьев Свенсонов, Рика Бразильца, Страха Божьего и канонира ван Гюйса, спустились на пушечную палубу ловить обезумевшее орудие. С трудом поймали, стреножили, принайтовали на место, только Теггу заехало в ребра, а остальные отделались синяками да отдавленными пальцами. На седьмую ночь сломался бом-утлегарь и улетел вместе с бом-кливером прямо в темные тучи; через день треснул бизань-гик¹ у самой мачты, и пришлось его срубить и бросить за борт. Произошли и другие потери, но большей частью мелкие, ибо «Ворон» был судном крепким и надежным, а его команда – привычной к тяготам морского ремесла. Все пятнадцать или шестнадцать дней, которые буря гнала корабль, шел он сперва под бом-кливером, а когда его сорвало, поставили кливер и продержались, пока не стихла непогода. Вахты несли вчетвером, Серов, Стур, Тегг и ван Мандер, но у штурвала все время стоял боцман Хрипатый Боб, лучший рулевой на судне – ел у штурвала и спал у штурвала, привязавшись к нему канатом. Помощники, конечно, менялись, но в самые страшные мгновения правил судном Боб. А когда пошла на убыль буря, прохрипел: «Прому, дьявол!» – но рома не дождался, свалился замертво и проспал больше суток.

Пронесло! – размышлял Серов, стоявший ночную вахту. Пусть дорога подольше станет, зато корабль цел и люди живы, и Шейла, главное вест-индское сокровище, тоже жива и цела. Как всегда, о жене он думал с нежностью; то были мысли человека, все потерявшего разом, и друзей, и родичей, и весь свой мир, и вдруг нашедшего нечто столь же драгоценное и дорогое. Якорь, который держит человека в бурном море бытия... Шейла Джин Амалия и была таким якорем, самым прочным из якорей, но имелись уже и другие – трехмачтовый красавец «Ворон», и его команда, от мрачного Уота Стура до болтуна Мортимера, и приключения, которые сулил этот век авантюристов, и даже дукаты и пиастры в сундуках, хранившихся в трюме корабля. Только корабль этот шел не в Балтику, куда положено, а болтался сейчас на тридцатой параллели, милях в пятнадцати на север от Канарских островов, болтался вместе со всей своей командой, с двадцатью четырьмя крупнокалиберными пушками, запасом пороха и ядер и сундуками, набитыми золотом и серебром. А вот воды и провианта не хватало, как бывает нередко после пересечения Атлантики. Вода к тому же стала протухать.

«Ворон» шел бейдевинд,² отклоняясь к востоку, к берегу Африки. Волнение на море стихало, ветер, пока еще свежий, тоже спадал, но паруса, что колыхались живой громадой над кораблем, еще несли его с приличной скоростью, узлов³ шесть, а то и больше. Вышаги-

¹ «Ворон» нес полное парусное вооружение фрегата, и это значит, что между передней мачтой (*фоком*) и носовым рангоутом имелись три треугольных паруса: *бом-кливер*, *кливер* и *фор-стенги-таксель*. *Бом-утлегарь* – часть носового рангоута, крепившаяся вместе с утлегарем к бушприту; в свою очередь к бом-утлегарю крепилась нижняя часть бом-кливера. *Бизань-гик* – рей, отходивший от основания задней мачты (бизани), к которому крепился нижний косой парус – *косая бизань*.

² *Бейдевинд* – курс судна, при котором направление ветра не совпадает с линией курса, а составляет с ней угол меньше девяноста градусов.

³ Принятое на море измерение скорости: *один узел* – одна морская миля в час. Морская миля равна 1850 метрам и отличается от сухопутной мили, равной примерно 1610 метрам.

вая по квартердеку,⁴ Серов посматривал то на Стига Свенсона, стоявшего у штурвала, то на его братьев Эрика и Олафа, дежуривших на шкафуте,⁵ то на усыпанные звездами небеса. Он уже понимал их тайные знаки и мог проложить курс по ночным светилам, умел вычислять широту, измерив положение солнца в полдень, а долготу узнать по корабельным хронометрам или по своему безотказному «Ориону», швейцарским часам, прихваченным из прошлой жизни. Сложнее было определиться по счислению, теоретически, по карте и без измерений, учитывая лишь показания компаса и лага, но и этот способ, самый неточный в восемнадцатом веке и самый трудный, тоже не представлял особых проблем для человека, не позабывшего школьной математики. У берегов, особенно знакомых, работа штурмана была совсем простой – там определялись по пеленгу, по направлениям на маяки, мысы, высоты или другие заметные ориентиры, отмеченные на картах. Карты, правда, особенной точностью не отличались.

Где-нибудь в Голландии или Британии, в навигацкой школе, учиться пришлось бы год, возможно – два, но Серов освоил морскую науку куда быстрее, взяв в наставники ван Мандера. Вот управлять кораблем в бою – это было посложнее! Не наука, а тонкое искусство, где полагалось учитывать все: скорость и направление ветра, дальность полета тяжелых снарядов, парусность, свою и противника, и массу различных возможностей – вести ли дуэль на расстоянии, бить ли ядрами или картечью, крушить ли корпус с батареями или рангоут либо сойтись бортом к борту и ринуться на abordаж. Выигрывал не тот, кому Господь послал побольше пушек, а более верткий и хитроумный, искусный в маневре и яростный в сражении. Пожалуй, в этом смысле с карибскими пиратами никто потягаться не мог – конечно, если вел их в бой не полный идиот. Серов старался соответствовать, расспрашивал Стура и Тегга о приключившихся с ними баталиях и, вспоминая о Джозефе Бруксе, дядюшке Шейлы и прежнем капитане, прикидывал, что бы тот сделал в том или ином случае. Но его первый бой был еще впереди. Первый бой, первая победа, первая добыча... Экзамен на капитанское звание, которое даруют не патенты королей, а море, храбрость и удача. Он не знал, что испытание это близится, но был к нему готов.

Звезды померкли и начали гаснуть, небо посветлело, порозовело, и над океаном и невидимым африканским берегом взошло солнце. Едва лучи светила расплескались по зеленовато-синим водам, как с марса, где сидел впередсмотрящий, донесся протяжный вопль:

– Кормыто с штирборта!⁶ Большое судно, капитан! Три мачты! Флаг... Не вижу флага, но или испанец, или португалец!

А кто еще может плавать тут, у Канар? – подумал Серов, восторгнувшись. Или испанец, или португалец, или магрибские пираты... Но у магометан корабли были поменьше и такого вида, что с европейским океанским судном их не спутаешь. Он кивнул Олафу, велел свистать всех наверх и взялся за подзорную трубу. За его спиной слышались топот, лязг оружия, хриплые крики и перебранка у галюна – команда поднималась наверх с оружейной палубы. В круглом окошке трубы быстро вырастал из волн морских чужой корабль: сначала бом-брамселя⁷ на фок и грот-мачтах, за ними полные ветра нижние паруса, высокая надстройка на корме, темный корпус с черными квадратами пушечных портов. Флаг... вот и флаг! Кастильский!

⁴ *Квартердек* – часть верхней палубы на юте, над кормовой надстройкой, где обычно находились капитан и вахтенный офицер.

⁵ Пояснение некоторых терминов, относящихся к парусным судам. *Шкафут* – пространство на верхней палубе судна между фок- и грот-мачтами. *Фок-мачта* – передняя, *грот-мачта* – вторая от носа; третья мачта, расположенная ближе к корме, называется бизанью. *Шканцы* – часть верхней палубы между грот-мачтой и бизанью. *Ют* – кормовая часть верхней палубы, *бак* – носовая часть.

⁶ *Штирборт* – левый борт, *бакборт* – правый борт.

⁷ *Бом-брамселя* – самые верхние паруса, поднимаемые на фок, грот и бизань-мачтах.

– Испанец, – прогудел знакомый голос над плечом Серова, и, отняв от глаз трубу, Андрей увидел хмурую рожу Уота Стур. Впрочем, сейчас первый помощник был не так уж недоволен, скорее наоборот – глаза блестели и губы кривила хищная усмешка. Остальные офицеры тоже уже были здесь – Сэмсон Тегг, бомбардир, ван Мандер, штурман, и датчанин Хансен, лекарь. У трапов, ведущих на мостик, стояли боцман и сержанты, предводители абордажных ватаг, а за ними, на шканцах и шкафуте, толпилась без малого сотня парней, и лица у всех были такими же, как у Стур, хищными, алчными, оголодавшими. Вполне понятно, решил Серов: Атлантику пересекли, в шторм спаслись, месяц в море, вода и солонина поперек глотки, а тут испанец!

Он оглядел своих соратников.

– Что скажете?

– Сорок орудий, – заметил Тегг, опуская зрительную трубу. – Шесть на палубе, два, надо думать, на юте, и шестнадцать вдоль борта. Шестнадцать! Против наших десяти.

– Зато ты лучше стреляешь, – ухмыльнулся Уот Стур. – Чтоб меня акулы сожрали, если ты не накроешь их первым же залпом!

– Они попали в шторм, в ту же бурю, что и мы, – с голландским спокойствием произнес ван Мандер. – Дай мне трубу, капитан. Та-ак... Здорово их потрепало!

– Половины бушприта нет. Видать, все кливера сорваны, а не один, как у нас, – сказал Стур.

– Бушприт... да, это само собой... – Штурман разглядывал корабль, надвигавшийся со стороны открытого океана. – Еще на фокке и гроте поломаны стеньги, бизань еле держится, ванты оборваны... Тяжело идет... похоже, в трюме есть вода.

– Эй, капитан! – заорали с палубы. – Чего ждем? Будем брать испанскую лохань или зубами щелкать?

Раздался звук оплеухи и голос Хрипатого Боба:

– Хрр... Пасть заткни, недоносок! Капитан знает, что делать!

Серов шагнул к плану, отыскал глазами Боба и парня рядом с ним, который держался за челюсть, отметил: Мерривейл Сидней, из новых, завербованных на Тортуге перед самым отплытием. Набрал воздуха в грудь, медленно выдохнул и произнес:

– Боцман, Мерри – пять плетей. Но прежде пусть вопрос свой повторит. Всякий член Берегового братства может обратиться к капитану, но этого ублюдка я как-то не расслышал. Давай, парень, погромче!

– Капитан, за что... – начал Мерри, извиваясь под крепкой рукой Хрипатого.

– Десять плетей!

– Капитан, сэр!

– Вот теперь я слышу. Десять плетей, чтобы лучше запомнил, кто тут сэр, – повторил Серов, отвернулся к своим офицерам и вытянул руку к приближавшемуся кораблю. – Значит, так, камерады. Пока они нас еще не разглядели, марсовых наверх, а всем остальным спуститься вниз, мушкеты зарядить и ждать. Командуй, Уот! Ты, Сэмсон, давай к орудиям. Думаю, картечь придется в самый раз.

Стур проревел команду, и палуба вмиг очистилась – абордажные ватаги скрылись, а два десятка моряков полезли на мачты. Хрипатый Боб, отсчитавший Мерри десять ударов тонким линьком, толкнул наказанного в люк и принялся распоряжаться, расставляя марсовых по реям. Бомбардир, потирая ушибленные пушкой ребра и негромко чертыхаясь, спустился с мостика, ван Мандер встал у руля рядом со Стигом, хирург Дольф Хансен присел у фальшборта, копаясь в своем медицинском сундучке, перебирая полотняные тряпицы и банки с мазями. Готовились быстро, но без суеты; все, как положено, были при деле и на своих местах. Испанский корабль приблизился на четверть мили, и в трубу Серов видел, как выстраиваются вдоль борта мушкетеры в блестящих шлемах и кирасах.

На четвердеке появилась Шейла. Выражаясь старинным языком, приличествующим эпохе, она пребывала третий месяц в тягости, но это было пока незаметно. Талия, охваченная кожаным кафтанчиком и пояском с парой пистолетов, оставалась по-прежнему тонкой, фигурка – изящной, движения быстрыми, груди, еще не начавшие наливаться, маленькими и упругими. Кое-что, правда, изменилось: синие ее глаза, прежде тревожные, а временами – гневные, были теперь безмятежны. Глаза спокойной уверенной женщины, нашедшей свое место в жизни... На «Вороне» она считалась не только супругой капитана и владелицей корабля, но в первую очередь офицером-квартирмейстером. Важная должность! Шейла Джин Амалия ведала всем, начиная от запасов пороха и рома и кончая оценкой захваченной добычи.

Прищурившись, она уставилась на чужой корабль.

– Испанец! Большой галеон, но сильно побитый... Тоже в шторм попал? И куда он прется?

– Он думает, что нам досталось еще больше, – сказал Серов с почти бессознательной счастливой улыбкой. – Как ты спала, милая?

– Без тебя постель была слишком широка, – тихо промолвила Шейла, покосившись на Уота Стура. – Ты, Эндрю, женатый человек, да еще капитан, и не должен стоять ночную вахту. Ночью твое место... ну, сам знаешь, где.

На палубе царил тишина, но сквозь раскрытые люки доносился негромкий шум, знак быстрой деловитой подготовки: поскрипывали пушечные лафеты, звякали о дула мушкетов шомполы, шелестела одежда, кто-то с резким звуком – вжик-вжик! – точил палаш или топор. Поднимавшееся солнце золотило паруса, разбрасывало по синей морской поверхности яркие искры. Матросы, что скорчились на реях, отсюда, снизу, выглядели карликами.

Шейла, откинув русую головку, рассматривала их.

– Хочешь добавить парусов и уйти? – Она перевела взгляд на испанское судно. – Бизань голая и еле держится... Ему за нами не угнаться.

На этот раз Стур ее расслышал и буркнул:

– Уходить нельзя, никак нельзя. Парни будут недовольны.

Серов сдвинул брови.

– Парни будут делать то, что я прикажу. И вообще пора отвыкать от разбоя! В Россию плывем, а там царь грабителей не жалуется.

– Ну, хвала Творцу, мы еще не на царской службе, – заметил Стур. – Еще не идут нам ни песо, ни талеры, ни эти... как их... рубли из московской казны. Опять же умный царь не против разбоя, ежели грабят чужих, а не своих. – Он с задумчивым видом поскреб щеку и добавил: – Хотя как сказать... Самые умные цари сперва своих трясут и раздевают... оно ближе и безопасней.

Серов расхохотался. Мудрый мужик Уот! Прямое попадание, не в бровь, а в глаз! Царь Петр так и начал, со своих, с князей, бояр да разбойных стрельцов! Отсмеявшись, Андрей поглядел в трубу на галеон, бывший уже на расстоянии трехсот пятидесяти ярдов, и сказал:

– Ну, наглец! Вода в трюме, рангоут поломан, а он на нас прет! Должно быть, от кастильской гордости... Вот что я решил: если в драку полезет, высечем за нахальство, а если желает поприветствовать и миром разойтись, тогда...

Грохот выстрела не дал ему закончить фразу. Над бортом галеона вспухло серое дымное облако, просвистело в воздухе ядро и шлепнулось в воду в сотне ярдов от «Ворона».

– Хорошее приветствие, клянусь адской сковородкой, – оскалившись, пробормотал Стур. – Ну что, Эндрю? Что, сэр капитан? Миром разойдемся или как?

– Прикажи поднять флаг, – велел Серов, не обращая внимания на подначку.

– А какой? У Хрипатого даже турецкий есть.

Серов задумался. Непраздный вопрос! После недавней смерти Карла II Габсбурга, короля Испании, в Западной Европе бились за его наследство. Хотя не послал Господь испанскому монарху ни дочери, ни сына, зато по линии Габсбургов имелись у Карла дальние родичи во многих европейских странах и королевских домах. Сам он завещал престол французскому принцу Филиппу Анжуйскому, но были претензии и у других внучатых племянников да кузенов – из Англии, Австрии и немецких земель. Права их подкреплялись тем, что трон Филиппу был обещан при условии, что он откажется от французской короны, державшейся еще крепко на голове его деда Людовика XIV. Людовик же, король великий и амбициозный, желал объединить Испанию с Францией, а могущество такой державы было для соседей что острый нож. Так что те соседи не дремали, а, собравшись с англо-германской силой и уговорив Голландию, объявили Франции войну. Серов был не очень сведущ в истории, но что-то узнал от покойного Джулио Росано, что-то вычитал в книге мессира Леонардо, писанной со слов несчастного Игоря Елисеева. И помнилось ему, что драка за испанское наследство будет идти чуть не полтора десятка лет.⁸

В такой ситуации поднять британский флаг было бы вызовом, а французский – полной неопределенностью, ибо не всяк в Испании мечтал очутиться под башмаком Людовика. Все они, французы и испанцы, англичане и немцы, мнили себя великими народами, непобедимыми и грозными, и лишь маленькая Голландия, хоть и встрявшая в эту войну, имперских замыслов не имела, как и претензий на испанский трон. После контакта с мингером ван дер Вейтом, капитаном «Русалки», Серов был о голландцах наилучшего мнения: спокойный народ, в чужой сундук не лезет, но и в свой загребушую лапу не пустит. Подумав об этом, он сказал:

– Мы поднимем голландский флаг.

Шейла в удивлении приоткрыла рот, ван Мандер усмехнулся, а Уот Стур, словно учитель, довольный успехом ученика, одобрительно хлопнул Серова по спине.

– Хитро, капитан! Отличная ловушка! Эй, Боб! Вздерни-ка на мачту голландские подштанники!

Взвился голландский флаг, и сразу за этим последовала вспышка выстрела. Испанский корабль был уже близко, и ядро врезалось в воду перед носом «Ворона».

– Велят лечь в дрейф. Не иначе как собираются досматривать, – прокомментировал ван Мандер.

– В дрейф нам ни к чему, а вот скорость надо сбросить. Глядишь, не догонят. – Серов посмотрел на шкипера. – Я хочу быстро развернуть корабль. Какие паруса нужны? Что спустим, что оставим?

– Кливер и стаксель. Фок и грот зарифить, верхние паруса спустить. Крюйсель тоже. Ветер подходящий. – Шкипер послунил палец и поднял руку. – Дует от суши, а они идут с штирборта... Развернемся оверштаг?⁹ Я верно понял, капитан?

– Сначала оверштаг, чтобы встать к ним левым бортом, а после – против ветра, чтобы Сэмсон выпалил с правого. Сделаешь?

– Совсем против ветра не получится. Ну, постараюсь...

Стур уже орал с мостика приказы. Верхние паруса исчезали один за другим, скорость «Ворона» падала, и можно было подумать, что судно под голландским флагом подчиняется преследователю. Пристально наблюдая за надвигавшимся слева галеоном, Серов прикидывал расстояние. Двести ярдов, сто восемьдесят, сто пятьдесят... Пушечные порты грозили жерлами орудий, но палить противник вроде бы не собирался, хотел взять побитое бурей и беззащитное судно в целости и относительной сохранныости.

⁸ Точный период этой войны 1701–1714 гг.

⁹ *Оверштаг* – поворот парусного судна с одного галса на другой.

Сто сорок ярдов, сто тридцать, сто двадцать...

– Давай, приятель, давай, – прошептал Серов на русском. – Скоро узнаешь, что бесплатных пирожных не бывает. – Он наклонился над перилами мостика и крикнул: – Тегг! Слышишь меня, Тегг!

Из люка показалась голова бомбардира.

– Здесь, капитан!

– По моей команде с левого борта ударишь картечью им в порты – так, чтобы уложить орудийную прислугу. Потом с правого – по палубе, тоже картечью. Мачты и рангоут не ломай. Судно хорошее, себе возьмем.

«И приведем на Балтику два корабля, – мысленно добавил Серов. – Два судна ровно вдвое больше, чем одно. И командир над ними уже не капитан, а адмирал!»

Тегг кивнул и исчез, но было слышно, как он распоряжается на орудийной палубе: «Цепи отставить!»¹⁰ Дирк, козел вонючий, я что сказал? Картечь, только картечь! Шевелитесь, уроды немытые!» Шейла, бросив взгляд на испанский корабль и шеренгу солдат на шканцах, презрительно сморщила носик и молвила:

– Скоро стрелять начнут. Я, пожалуй, спущусь в каюту.

– Что так, дорогая? – притворно изумился Серов. – Никому сегодня кровь непустишь? Ни одну испанскую собаку не убьешь?

Шейла приложила ладошку к животу.

– Мне сейчас кровь пускать нельзя, даже испанцам! Я об одном молю Пресвятую Деву, чтобы не гневалась за прошлое и не казнила наше дитя за грехи родителей. Пусть растет счастливым и здоровым... пусть только увидит свет, а там уж я... – Поглядев на испанцев, она коснулась рукоятки пистолета.

– Пресвятая Дева милостива, – пряча улыбку, сказал Серов. – Иди, моя ласточка, и не тревожься. Рика к тебе прислать? Вдруг какой испанец сунется в каюту?

Рик Бразилец, беглый негр, был у Шейлы в телохранителях, но она лишь покачала головой.

– Зачем ему удовольствие портить? Пусть с тобой идет, Эндрю, а если ко мне кто сунется, так я еще стрелять не разучилась. Я Рика к тебе пришлю, с твоими пистолетами и шпагой.

Она осторожно спустилась по трапу с квартердека. До испанского корабля было не больше семидесяти ярдов, и Серов уже без зрительной трубы различал лица солдат и оружие в их руках. Мушкетеров оказалось немного, человек тридцать, и это значило, что не приходится рассчитывать на богатый груз. Впрочем, сам корабль, сорокапушечный галеон, являлся немалой ценностью.

Громко хлопнули паруса и снова вздулись – ван Мандер с рулевым развернули фрегат, и теперь десять орудий левого борта смотрели прямо на испанское судно.

– Приготовиться, – негромко произнес Серов, и Стур с Бобом повторили команду. Затем первый помощник сказал:

– Время помолиться, капитан. До первого выстрела.

Кого не водилось в Береговом братстве! Разбойники и воры, пьянь и рвань, душегубы, беглые рабы и бывшие охотники, каторжане и осужденные безвинно, а потому озлившиеся на весь белый свет... Разные были люди, только не было среди них атеистов. Каждый злодей искренне верил и полагал, что даже смертный грех удастся искупить, если вовремя подсуется. Ведь Иисус говорил, что раскаявшийся грешник ему милее сотни праведников... Каяться полагалось перед боем, дабы смерть, если уж встретишься с ней, была не мучительной и чтобы душа попала не в ад, а хотя бы в чистилище. На «Вороне» каялись быстро, по-

¹⁰ Ядрами с приклепанными к ним цепями ломали мачты и реи на вражеском судне.

деловому, и в прежние дни молитву об отпущении грехов произносил Росано, ученый лекарь из Венеции, знавший, как обратиться к Богу. Дольф Хансен, нынешний хирург, тоже был учен и понимал в латыни, но не имел таланта складно говорить. Поэтому за всех пришлось молиться капитану.

Перекрестившись, Серов промолвил громко и внятно:

– Господи, если глядишь ты на нас с небес и слушаешь меня, знай, что предаемся мы в Твои руки и отвергаем дьявола. Не по злобе творим мы бесчинства, а только ради пропитания, ибо ром у нас кончился, вода протухла, а в солонине ползают черви. Так что яви свою милость и отдай нам этот корабль со всеми его богатствами и запасами. Во имя Отца, Сына и Святого Духа! Огонь!

Палуба сотряслась. Пламя и клубы серого дыма вырвались из пушечных портов, пропела смертельную песнь картечь, скользнув над океанскими волнами, ударила в борт галеона, хищно впилась в дерево, заскрежетала по орудийным стволам, ужалила канониров... Испанское судно покачнулось, завопили раненые, потом грохнул взрыв – видно раскаленное железо угодило в пороховые рукава. Из люков «Ворона» уже лезли отряды Брюса Кука, Тиррела и Кола Тернана, лезли быстро и молча, вскидывая оружие, целясь в строй мушкетеров, разворачивая канаты с крючьями, грозя палашами и тесаками. Секунда, и вслед за картечью засвистели пули, а фрегат, повинувшись умелым рукам ван Мандера, стал разворачиваться к противнику правым бортом.

На галеоне понимали, что означает этот маневр. Битое бурей голландское судно, пусть не совсем овца, но, несомненно, баран, готовый к стрижке, вдруг обернулось волком, сомкнуло челюсти на горле жертвы и собиралось ее придушить. Вероятно, капитан испанцев уже догадался, с кем его свела судьба – только слепой не разглядел бы полуголую ватагу на палубе «Ворона» и блеск абордажных крючьев. Заметались офицеры, грохнул ответный залп из мушкетов, рулевые навалились на штурвал, и сломанный бушприт «испанца» стал отворачивать влево, к открытому океану, – медленно, слишком медленно, чтобы уйти от пушек «Ворона». Ван Мандер не смог поставить корабль против ветра, но развернул его на сто двадцать градусов, и этого было достаточно – ветер, союзник Серова, подталкивал галеон, нес его мимо на северо-восток и прижимал все ближе к фрегату.

– Правым бортом... картечью... огонь!

Настил под ногами Серова снова дрогнул, и полтора центнера металла смели живых и мертвых с палубы галеона. Возможно, в конце двадцатого века артиллерия этих времен показалась бы допотопным хламом, но в ближнем бою она была эффективна и смертоносна, как установка «Град». Особенно если у пушек стоял Сэмсон Тегг со своими канонирами.

– Он наш! – завопил Стур, молотя по планширу огромным кулачищем. – Наш, клянусь христовыми ранами! Будет нынче пожива у акул!

Акулы были уже тут как тут – три-четыре острых плавника резали зеленовато-синюю воду. Мрачно поглядев на них, Серов приказал:

– Право руля! Так держать! Спустить паруса!

Их несло к испанскому судну. Сорок ярдов... тридцать... двадцать... За спиной Серова басистый голос произнес:

– Капитана, твой сабля и бах-бабах. Хозяйка прислать.

Он повернулся, принял из рук Бразильца пистолеты и свой толедский клинок, измерил взглядом расстояние до испанского судна и крикнул:

– Бросайте крючья! Тиррел, ты со своими лезешь на ют, Тернан – на бак! Я пойду в центре, с Брюсом. В штыки, камерады! Вперед!

Сотня глоток подхватила этот клич.

* * *

Через три четверти часа Серов стоял на шканцах испанского корабля и глядел в белые от ярости зрачки капитана. Еще недавно этот офицер был одет как щеголь с Аламеда:¹¹ синий бархатный камзол с золотым шитьем, синие штаны, шляпа с перьями, сапоги кордовской кожи и пояс из серебряных пластин с превосходной шпагой. Теперь на нем были только штаны; пояс висел на шее Хрипатого Боба, в камзоле красовался Кактус Джо, а шляпу втоптали в кровавое месиво на палубе. Что до сапог, то их экспроприировал Мортимер. К чужим сапогам он испытывал страсть, не находившую, однако, взаимности; сапоги у него держались до первого трактира, где можно было их пропить.

Полсотни оставшихся в живых испанцев столпились на баке под охраной Страха Божьего и Люка Фореста. Люди из ватаги Клайва Тиррела таскали мертвецов, сбрасывали за борт и бились об заклад, что первым делом отхватят акулы, руку, ногу или голову. Шейла с Уотом Стуром, обшарив офицерские каюты, проследовала в трюм для ревизии груза; их в качестве рабочей силы сопровождали братья Свенсоны и Рик Бразилец. Мортимер, Хенк и еще дюжина пиратов под началом Брюса Кука спускали шлюпки – с таким видом, что вместо них они охотно наладили бы испанцев по доске. Питер ван Гюйс, канонир и помощник Тегга, осматривал пушки на оружейной палубе, а сам Тегг стоял рядом с Серовым и, задумчиво поглядывая на испанского капитана, заряжал пистолет.

Ярость в глазах испанца погасла, сменившись страхом.

– *Quien es?* – пробормотал он. – *Quien es, maldito sea!*¹²

– *Mi espanol es mal,*¹³ – сказал Серов. – *Habla frances?*¹⁴

– Да. Кто вы?

– Победенный представляется первым.

Испанец попытался отвесить изящный поклон, но сделать этого не смог – Хрипатый Боб придерживал его за локти.

– Дон Мигель де ла Алусемас, капитан флота его католического величества.

– Маркиз Андре де Серра, карибский корсар.

– Карибский? В этих водах? – Глаза у дона Мигеля полезли на лоб. – Вы, конечно, не голландцы... Я думал, британский или французский капер.

– Ошибся ты, Миша, сильно ошибся, – сказал Серов на русском и покосился на Тегга – тот уже зарядил пистолет. – Какой везете груз? Откуда и куда?

Капитан задержался с ответом, и Боб, стоявший позади, приподнял его над палубой, выворачивая руки.

– Хрр... Говорри, вошь испанская! Кости перреломая!

Мгновенная картинка мелькнула в памяти Серова: безымянный остров в Карибском море, пальмы, камни, песок и лачуга из корабельных обломков, к стене которой был привязан другой испанский капитан. Он снова увидел суровые черты Джозефа Брукса, холодное безжалостное лицо Пила и пистолет в руке Сэмсона Тегга. Сцена повторялась, только вместо Брукса и Пила были тут Хрипатый Боб и сам он, Андре Серра, предводитель корсарского воинства. А также Тегг со своим пистолетом, смотревшим в лоб испанцу.

– Подожди, Сэмсон, – он положил руку на плечо бомбардира и поглядел дону Мигелю в глаза. – Вот что, кабальеро... Я за вашим кораблем не гнался и первым не стрелял, у меня тут

¹¹ *Аламеда* – один из мадридских бульваров.

¹² Кто вы? Кто вы, черт побери! (*исп.*)

¹³ У меня неважный испанский.

¹⁴ Говорите на французском? (*исп.*)

другие дела. Могли мы разойтись по-мирному, но если уж произошла баталия и кончилась не в вашу пользу, не будем устраивать пир для акул. Либо отвечайте на вопросы и убирайтесь к дьяволу, либо мы положим доску на планшир и проводим вас и ваших людей к дедушке Нептуну. Чего бы лично мне не хотелось. Я, дон Мигель, не кровожаден.

Испанец, как замороженный, смотрел то на плавники акул, то на пистолет в руке Тегга. Губы его шевельнулись, и Серов услышал:

– Вы отпустите нас? Клянетесь в том Девой Марией и Сыном ее, нашим Спасителем?

– Клянусь. – Серов вытащил из-за ворота крестик, подаренный Шейлой, поцеловал его и поднял руку с раскрытой ладонью. – Клянусь, что все вы уйдете отсюда живыми на шлюпках и, если будет на то воля Господа, достигнете земли. До Канар недалеко, миль пятнадцать.

Испанский капитан с трудом отвел глаза от пистолета и промолвил:

– Хорошо, дон Серра, я вам верю. Вы благородный человек, если мы еще живы. Итак, мой корабль... мой «Сан-Фелипе»... В общем, мы вышли из Кадиса двадцать дней назад с грузом вина и пороха для вест-индских колоний, но попали в шторм, отогнавший судно к востоку. Ничего ценного в трюмах нет, лишь бочки с вином и порох, как я сказал. Мне полагалось взять провиант и воду на Канарах, потом идти в Гавану, выгрузить боеприпасы и вино и присоединиться к флотилии, которая... которая... – Он запнулся, потом с внезапной решимостью договорил: – Которая готовится к рейду на Джеймстаун и Виргинию.¹⁵

– Понимаю. Ваша большая военная тайна, но мне она ни к чему, – с усмешкой протянул Серов и кивнул Хрипатому. – Отпусти его, Боб. Пусть убирается с корабля. Канары – там!

Он вытянул руку на юг, отвернулся от дона Мигеля и позабыл о нем. Из трюма поднялись Шейла и Уот Стур. Стур прижимал к боку какой-то сверток, а трое братьев Свенсонов и Рик шли за ним, обнимая пузатые бочонки. В том, который нес Бразилец, уже было выбито дно.

– Мансанилья, белое андалусийское, – сказала Шейла. – Двести бочек мансанильи. Мы не очень разбогатели, дорогой. Правда, есть еще порох.

– Подмоченный, – добавил Стур. – В трюме течь, вода стоит на восемь дюймов. Корабль, однако, прочный, недавней постройки. Если его подремонтировать...

С бака, где испанцы спускались в шлюпки, донесся громкий крик. Смуглый чернородый оборванец, которого Хенк с Мортимером тащили к борту, вырывался и что-то вопил, мешая итальянский, испанский и английский. Его лицо покраснело от напряжения, в ухе раскачивалась медная серьга.

– Это что еще за скандалист? – пробормотал Серов. – Чего он хочет? Ну-ка, посмотрим...

Он зашагал на бак с Шейлой и Стуром. Тегг остался у бочки с вином, черпал андалусийский напиток ладонью, пробовал и морщился: кисло и жидковато. Два корабля, победитель и побежденный, медленно дрейфовали по ветру, сцепленные абордажными крючьями. Палуба «Сан-Фелипе», стараниями людей из ватаги Тиррела, была очищена от трупов, одни пираты поливали доски водой, смывая кровь, другие лезли на мачты, спускали паруса, и у штурвала уже стоял Джек Астон. Две шлюпки с испанцами отчалили, третья еще болталась под обломанным бушпритом галеона.

Хенк, здоровенный, как медведь, скрутил было чернородого, норовя столкнуть в лодку, но на помощь приятелю бросился еще один моряк, такой же смуглый, бородатый, с глазами-маслинами и крючковатым носом. Мортимер ударил его ногой в живот, сбил на палубу и потянулся за кинжалом.

– Стой, – велел ему Серов. – По виду эти парни не испанцы. Чего им надо?

¹⁵ Благодаря экспорту табака, Виргиния в XVI–XVII вв. была самой процветающей британской колонией в Северной Америке. Джеймстаун – ее столица.

– А дьявол их знает! – Мортимер поскреб в затылке. – Не хотят с корыта уходить, прах и пепел! Ну, не желают по-доброму, так мы их сейчас нашинкуем и спустим за борт по частям. Жаль, палубу уже отмыли. Но если сперва отрезать им по уху, а потом...

Чернобородый все же вырвался от Хенка, упал на колени перед Серовым и стукнулся лбом о доски.

– Помилуй, господин! Мы не кастильцы, мы прятались на этом судне, хотели добраться до Канар! Я Мартин Деласкес с Мальты, бывший солдат Мальтийского ордена, а ныне купец, и меня схватили в Малаге, где я закупал товар. А это, – он ткнул пальцем в крючконосого, – это мой компаньон Алехандро Сьерра или, если угодно, крещеный мавр Абдалла. Нас взяли по подозрению в ереси, но мы – Господом клянусь! – честные христиане! – Он вытащил крестик из-под рубахи и поцеловал его. – Милости, дон капитан, милости! Мы не хотим возвращаться к испанцам! Нас сожгут! Возьми нас на свой корабль, господин!

– Сидели в трюме за бочками, – шепнул Уот Стур на ухо Серову. – Купцы из них, как из меня королевский шериф. Может, магометанские лазутчики, а может, контрабандисты. Но парни, видно, тертые, бывалые.

Кивнув, Серов наклонился над чернобородым.

– Если я вас возьму, какой мне будет прок?

– Я знаю испанское и итальянское побережье как свою ладонь. Все острова и бухты, рифы и мели, течения и ветры... А мой компаньон проведет вас вдоль магрибских берегов с закрытыми глазами.

– Мы идем не в Средиземное море, а в Северное, – сказал Серов. – Думай быстро, приятель! Чем еще ты можешь быть полезен?

– Я знаю французский, английский, испанский, итальянский, арабский и турецкий, – с отчаянной надеждой промолвил Деласкес. – Я говорю, пишу и читаю на этих языках. И мы, Абдалла и я, умеем драться! Возьми нас, господин, и ты не пожалеешь! Чего мы стоим, увидишь в первом же бою!

– Раньше увидим, прямо сейчас, – буркнул Стур, окидывая «Сан-Фелипе» хозяйским взглядом. – Эта испанская лохань нуждается в ремонте. На нашем судне тоже есть поломки – бом-утлегарь надо поставить и новый бизань-гик, а еще взять провиант и воду... Ты хватал, что знаешь побережье. И это тоже? – Стур повернул голову на восток, к африканскому берегу. – Что там за страна и кто в ней правит? Есть ли в ней порты и верфи? Есть ли мастера? Такие, которые знают, с какой стороны держаться за топор?

– Это Магриб, господин, страна заката, – ответил Деласкес. – Магриб – богатая земля, и все в ней есть, и мастера, и верфи, и порты, а два ближайших – Эс-Сувеира и Сафи. Но идти туда опасно, ибо Магриб – страна сынов Аллаха, самых могучих и жестоких на этих берегах. Там правит великий султан Мулай Исмаил,¹⁶ и христиане, попав туда, должны отринути прежнюю веру и поклониться Аллаху. Иначе их ждет рабство, а непокорных – ямы со змеями и ядовитыми пауками.

Шейла содрогнулась. Последняя шлюпка испанцев отчалила. Серов, обняв жену за плечи, сказал:

¹⁶ Название «Магриб», что по-арабски означает «запад», использовалось в узком смысле для обозначения Марокко, а в более широком – как наименование всех арабских стран в Северной Африке, расположенных к западу от Египта (на арабском – Мисра). Портовые города Эс-Сувеира и Сафи на атлантическом побережье Марокко существуют до сих пор и под теми же названиями. Марокканским султаном с 1672 г. являлся Мулай Исмаил, занимавший трон 55 лет (1646–1727 гг.), правитель из династии Алауитов, к которой и поныне принадлежит королевская фамилия Марокко. Мулай Исмаил создал мощную армию и успешно отразил военные экспедиции португальцев, испанцев и англичан. Пытался захватить Алжир, но весной 1701 г. его войско потерпело поражение от турок. Хотя Мулай Исмаил был, безусловно, великим правителем и весьма просвещенным человеком, его отличала невероятная даже для того времени жестокость.

– Ладно, я беру вас обоих – тебя, Деласкес, и тебя, Абдалла. Можете перебираться на «Ворон». Что до ремонта, – он повернулся к Стуру, – с этим придется обождать до Плимута или Бристоля.

– Если лоханка туда доплывет, – заметил Стур, топая ногой о палубу. – И если мы не померем от поноса из-за вонючей жижи в бочках. Хорошо хоть вино нашлось, будем пить вместо воды.

– Жуткая кислятина, – сообщил подошедший Тегг. – Но это, думаю, к лучшему – черви, что завелись в солонине, не выдержат и передохнут.

– На галеоне есть вода и продовольствие. – Шейла с задумчивым видом пригладила русые локоны. – Там, в трюме... Что-то подмокло, что-то сгнило, а что-то еще годится... Пожалуй, я здесь задержусь и проверю.

Серову это не очень понравилось, но спорить с Шейлой он не стал. Конечно, она была его супругой, что вынуждало ее к покорности, но также являлась офицером «Ворона» и службу несла круто и ревностно, без всяких поблажек. Кроме этих двух сторон медали имела и третья – как-никак «Ворон», по завещанию Джозефа Брукса, принадлежал его племяннице мисс Шейле Брукс. Возможно, другой человек запутался бы в этих трех личинах Шейлы, но только не Серов, пришелец из века женской эмансипации. Прежняя жизнь дарила драгоценный опыт, подсказывала в сомнительный момент: меньше споров, крепче корабль семейного счастья.

Он снял с запястья часы, свой золотой швейцарский «Орион», и протянул его Шейле. Часы показывали восемь двадцать семь, местное время, которое Серов засек вчера по высоте полуденного солнца.

– Вот, возьми... Надеюсь, суток тебе хватит на ревизию? Завтра утром, в половине девятого, ты должна возвратиться на «Ворон». Мы подойдем, чтобы взять провиант. Договорились?

Его супруга кивнула, спрятала часы и обвела рассеянным взглядом группу пиратов. Потом ткнула пальчиком в Хенка и Мортимера.

– Этих мне оставь. Хенк будет бочки и ящики ворочать, а у Морти острый глаз. Поможет мне искать.

– Со всем удовольствием, – сказал Мортимер и вытянул ногу, любуясь своим новым сапогом. – Мне что трюм обшарить, что чужой карман или, положим, кошелек, все едино. Талант у меня, значит. Батюшка мой говорил, что с таким талантом дорога прямо на виселицу, но я еще...

Шейла толкнула его в спину крепким кулачком.

– Иди, бездельник! Лезь вниз и принимайся за работу! – Обернувшись, она послала Серову нежную улыбку. – До завтра, милый. Не тревожься за меня, я ведь остаюсь с Уотом.

Разумеется, с Уотом, подумал Серов. По нерушимой традиции Берегового братства приз, то есть захваченный корабль, брал под команду первый помощник.

– Приглядывай за ней, – сказал Андрей Стуру, когда Шейла отошла. – Двадцать человек тебе хватит? Двадцать два, считая с Хенком и Мортимером? Ну, если хватит, бери ватагу Тиррела, и пойдем, не торопясь, на север вдоль африканских берегов. Держись в миле от нас, и не дальше.

Стур кивнул, понюхал воздух и заметил:

– Ветер стихает. К ночи, пожалуй, совсем упадет.

– Это уж как Богу угодно, – отозвался Серов, пожимая плечами. – Упадет, так будем дрейфовать.

– Ночь безлунная, не столкнуться бы в темноте... Ты, капитан, прикажи, чтобы огней жгли побольше и бросили плавучий якорь. Ну, ван Мандер знает. Вот, передай ему.

Он сунул Серову довольно увесистый сверток.

– Что здесь, Уот?

– Карты. Все, какие нашлись в каюте капитана. Хорошие карты, испанские, лучше английских. Все побережье от Кадиса до Неаполя, все острова, Сардиния, Корсика, Сицилия, и магрибский берег от Гибралтара до Сирта. Бери. Вдруг пригодится.

– Это вряд ли, – сказал Серов, принимая сверток. – Мы ведь не в Средиземное море идем, а на север.

Он был в этом совершенно уверен. Хотя в его родном столетии не отрицали влияние случая, в общем и целом случайности отводилось гораздо меньше места, чем в прошлые, не столь цивилизованные времена. Но в восемнадцатом веке, тем более в его начале, расклад был иным: тут, как говорилось выше, человек предполагал, а Бог располагал.

Глава 2

Сражение во мраке

Уже четверть века магрибские пираты изредка проходили через Гибралтар и нападали в Атлантике на испанские галеоны, которым удалось уйти от алчных карибских флибустьеров, а также на английские и голландские суда. Перед каждым походом, с учетом последних новостей, принималось решение, куда, сколько и какие суда отправить в плавание. Небольшое количество слабых судов могло упустить выгодную добычу, посылать же слишком мощный флот означало увеличить число участников при разделе добычи. Следовало соблюдать принцип равновесия. Несчастливым христианам, внезапно увидевшим перед собой смуглых пиратов, и в голову не могло прийти, что эта встреча вовсе не случайность.

Жорж Блон, «Великий час океанов.

Средиземное море», Париж, 1974 г.

Ветер стих совсем. Ночь, как и предупреждал Уот Стур, выдалась безлунная, а темнота в этих широтах была такой, что, вытянув руку, ладонь не разглядишь. Серов последовал совету первого помощника, велел спустить за борт плавающий якорь и зажечь фонари на юте и баке. Ночную вахту вызвался стоять ван Мандер, взяв себе в помощь братьев Свенсонов и двух парней из ватаги Тернана. Остальные спали, утомленные недавней схваткой; шканцы и шкафут были устланы телами, как поле кровопролитного побоища, а воздух дрожал от могучего храпа. Разило потом, порохом и кислым вином, и эти запахи, обычно уносимые ветрами, сейчас окутывали корабль плотным облаком.

Серов в каюту не ушел, устроился на баке у носового фонаря, на пяточке, свободном от спящих. Без Шейлы в каюте было пусто и тоскливо, койка казалась слишком просторной, и все остальное тоже напоминало о ней – сундук с ее платьями, чернильный прибор и свеча на крохотном столике, веер, забытый рядом с судовым журналом, маленькие башмачки в углу. К хорошему привыкаешь быстро, думал Серов. К теплоте тела в постели, к аромату женской кожи, тихому шепоту, нежным словам... К тому, что ты уже не одинок...

Он вздохнул и оперся локтями о планшир. Палуба под ногами была неподвижна, как пол в бальной зале, и это непривычное ощущение тревожило Серова – чудилось, что его корабль пребывает в глубоком сне или – береги Господь! – вообще покойник. Внезапно он поймал себя на том, что считает эту деревянную посудину чуть ли не живой, чем-то вроде морской твари, кита, кашалота или огромного кальмара. Конечно, это являлось иллюзией, так как сам по себе «Ворон» не был живым – его одушевляли ветер, волны, бури, шквалы и океанские течения. По их прихоти он двигался, оживал и обретал голос, включавший множество привычных звуков: скрип такелажа, звон канатов-струн, шелест парусов и шипение, с которым вода раздавалась под корпусом судна. Но мертвый штиль заставил корабль умолкнуть. Храп и бормотание спящих принадлежали не ему, а совсем иным созданиям – тем, кого он нес в своем чреве над морскими безднами.

Динн-донн... динн-донн... На квартердеке пробили склянки. Где-то в темноте откликнулось, точно эхом: динн-донн... Звук прилетел с испанского галеона, скрытого непроницаемой завесой тьмы – только два огонька, висевших низко над горизонтом, показывали, где застыл плененный корабль. Четыре кабельтова,¹⁷ самое большее – пять, мелькнула мысль. Серов запрокинул голову, всматриваясь в черный бархат небес, расшитый по-южному

¹⁷ Кабельтов – морская мера расстояния, 185 метров, одна десятая морской мили.

яркими созвездиями. Полярная звезда стояла в зените, подмигивала ему лукавым сиреневым глазком. Завтра, подумал он, мы поплывем на север. Поплывем, если Господу будет угодно... если пошлет Творец попутный ветер, если спасет от штормов, от пушек неприятелей и гибели в пучине... Он не был верующим, но в этот миг ему захотелось перекреститься. Он находился в мире, принадлежавшем не людям, но Богу, владыке над стихиями и человеческими судьбами.

– Звезды, – произнес он вслух. – Звезды, и я – единственный человек на Земле, который знает, что это такое. Чудовищные сгустки плазмы, горнило термоядерных реакций, как утверждают физики... Звезды. Звезды и море...

Серов перевел взгляд на огоньки испанского судна и начал тихо напевать:

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос,
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта...¹⁸

За спиной послышалось деликатное покашливание, и он резко обернулся, с привычной сноровкой нашаривая рукоять пистолета. В свете носового фонаря перед ним маячили две бородатые смуглые рожи: мальтиец Деласкес и крещеный мавр Абдалла, приятели-контрабандисты, а может, еретики. Верно говорится: помяни черта, а он уже тут.

– Господин... – Деласкес поклонился, и мавр, будто тень, повторил его движение. – Мессир капитан...

– Все добрые христиане дрыхнут без задних ног, – сказал Серов на английском. – А вы что не спите? Или совесть нечиста?

– Ты помиловал нас, господин, и нет у тебя слуг вернее и преданнее. Клянусь в том ранами Христовыми! – Мальтиец снова склонил голову, и в его темных глазах сверкнули отблески фонаря. – Прости, что я тебя тревожу... У Абдаллы, моего компаньона, уши, как у сторожевого пса. Востину он слышит, как поет ветер в облаках и говорят морские рыбы.

– Ветра нет, а рыбы безмолвны, – нахмурившись, молвил Серов. – Значит, твой приятель услышал что-то другое?

– Услышал. – Деласкес толкнул мавра локтем. – Скажи синьору капитану, Абдалла. Скажи, что шепчет тебе море. Скажи быстрее, пока нити наших жизней не перерезаны клинком беды.

Цветисто выражается, подумалось Серову. Сразу видно, восточный человек! Он перевел взгляд на мавра и кивнул.

– Говори!

¹⁸ Эдуард Багрицкий, «Контрабандисты».

– Плэск, – гортанно пробормотал тот на английском, – плэск и скрип, мой гаспадин. В уключинах трапки, чтобы не скрипело, но я слышать. Плэск и скрип!

– О чем он толкует, Деласкес?

– Весла, – пояснил мальтиец. Его смуглое лицо побледнело, он заговорил, мешая английские, испанские и итальянские слова: – Это весла, дон капитан. Абдалла слышит, как скрипят в уключинах весла и как плещет вода. Здесь плохое место, синьор. Сорок миль до магрибского берега, и на каждую милю – по двадцать разбойников-магометан. Они кровожадны и свирепы, как голодные волки. Они...

– Сейчас штиль и полное безветрие, – прервал Деласкеса Серов. – Они что же, на веслах идут?

– Да, сэр. У них такие корабли, которых нет на севере, ни у кастильцев нет, ни у франков и британцев. Шебеки.¹⁹ И если Абдалла не ошибся...

Призвав его к молчанию взмахом руки, Серов прислушался. Если не считать храпа спящих и шороха шагов дежуривших на квартердеке корсаров, вокруг царила мертвая тишина. Тишина и темнота; только от фонаря падало на воду размытое светлое пятно да сияли в вышине равнодушные звезды.

Тянулось время – минута, другая, третья... Скрипа Серов не различил, но будто появился звук, каким сопровождается колыхание воды. Потом он услышал стук. Весло ударило о весло?..

– Береженого бог бережет, – пробормотал он и выпалил из пистолета в воздух. – Ван Мандер, бей тревогу! Нас атакуют! Галеры!

На корме громко и часто забил колокол. Серов ринулся на ют, перешагивая через зашевелившиеся тела, пиная их ногами, крича во весь голос:

– Подъем, сучьи дети! Вставайте и беритесь за оружие! Тегг! Где ты, Тегг? На оружейную палубу! Боб, Кук, Тернан, проснитесь! Собирайте людей! Факелы... побольше факелов к бортам!

Его экипаж поднимался. Любое воинство, что было прошлый день в сражении и одержало победу, любые бойцы, набившие брюхо и накачавшиеся мансанилей до бровей – словом, любые вояки, застигнутые неприятелем врасплох, во сне и в темноте, пришли бы в замешательство. Но только не эти! Ночной бой был для них привычен, а переход от сна к бодрствованию занимал секунды: встать, проверить, заряжен ли мушкет, и сунуть за пояс топор или саблю. То были люди, не расслаблявшиеся в море никогда; не корабельные пушки, не оружие и даже не воинское искусство являлись их главной силой, а эта постоянная готовность к битве и смерти. Желательно чужой.

Серову освободили дорогу. Уже у трапа, поднимаясь на квартердек, он услышал голос Хрипатога Боба:

– Кто на нас тянет, капитан? Хрр... Кому тут жить надоело?

– Магометане, если не ошибся Абдалла. Идут на галерах, – громко сказал Серов и принялся распоряжаться: – Брюс Кук – к штирборту, Тернан – к бакборту! Боб, собирай своих у грот-мачты! Факелы! Долго мне ждать? Я велел зажечь факелы, бездельники! Тегг! Сэмсон Тегг, ты что не отзываешься?

– Я на месте, – доложил второй помощник. – Заряжаем пушки ядрами и картечью, через одну. Только куда палить? Ни дьявола не видно!

– Огонь из носового орудия! Быстро! Нужно предупредить наших на «испанце»!

¹⁹ *Шебека* – быстроходное боевое судно, изобретенное магрибскими пиратами. Длина от 25 до 40 метров, ширина от 7 до 10 метров, две или три мачты, на которых могли подниматься прямые или латинские паруса; иногда с веслами (8—12 пар весел), отверстия для которых находились прямо перед пушечными портами. Большая шебека имела на борту до двадцати и более легких пушек и несла экипаж 300–400 человек. Обычное вооружение шебеки: четыре шестифунтовые пушки и восемь четырехфунтовых пушек.

Он уже стоял на квартердеке в окружении шкипера и братьев Свенсонов, сжимал рукоять шпаги и вглядывался в непроницаемую тьму. Топот и звон оружия на палубе заглушали долетавшие с моря шорохи.

Шейла, подумал Серов, как там Шейла? Может, магометане все же не доберутся до испанского корабля? Может, все это глюки Абдаллы?

– Плохо, – пробормотал за его спиной ван Мандер. – Ветра нет, болтаемся как утопленник в пруду. Ни скорости, ни маневра... Да еще темно, как в брюхе кашалота!

Грохнула пушка, и, словно по ее сигналу, вспыхнули факелы. Море по обе стороны от корабля было темным и гладким, как отшлифованный обсидиан. Тьма отступила, но недалеко, ярдов на десять-пятнадцать. Снизу, с орудийной палубы, доносились стук открываемых портов, скрип станин, перебранка канониров и ругань Сэмсона Тегга. На галеоне тоже зажглись огни, потом ударило орудие, высветив на секунду темный корпус. Ватаги Брюса Кука и Кола Тернана уже стояли вдоль бортов, упирая о планшир мушкетные стволы. Боцманская команда, все, кроме Олафа, Стига и Эрика, сгрудилась у мачты, и там поблескивали в свете факелов клинки и абордажные топоры.

«Тут восемь десятков бойцов, а у Шейлы – двадцать, – мелькнуло у Серова в голове. – Отобьются ли? Может, отправить к ней Хрипатого с его парнями?»

Сердце у него сжалось в предчувствии беды. Он уже был готов позвать боцмана и приказать, чтобы спускали шлюпки, но тут на границе меж светом и тьмой наметилось некое шевеление, будто огромные сороконожки перебирали лапами.

– С обоих бортов заходят, – произнес ван Мандер и потянул из-за пояса пистолеты.

– Останешься здесь, у штурвала, – сказал Серов. Потом рявкнул: – Сэмсон! Видишь их? Огонь!

Палуба сотряслась, и гром пушечного залпа на секунду перекрыл плеск воды и звон оружия. В следующее мгновение мрак взорвался воплями и криками – кто-то стонал, призывая Аллаха, кто-то рычал от ярости, кто-то стучал железом о железо или орал во всю глотку – видно, посылая проклятия неверным. Две длинные узкие посуды скользнули из тьмы к бортам фрегата. Они были ниже, чем высокобортный «Ворон», и от края до края полны людьми – полуголыми, дикими, смуглыми, в широких шароварах или одних набедренных повязках. С сухим треском ломались весла, сверкали глаза, блестели клинки ятаганов и сабель, гремели барабаны, с угрозой вздымались кулаки, из раскрытых ртов вырывался вой: «Алла акбар!.. Алла акбар!» Сушая Чечня, подумал Серов и выкрикнул:

– Мушкетеры, пли! И сразу от борта! Живее, парни!

Люди у него были опытные – ударили из мушкетов, бросили их и тут же отступили от фальшборта, чтобы не зацепило абордажным крюком. С крюками не задержалось. В те недолгие секунды, когда стальные крючья впивались в планшир его корабля, Серов ворочал головой, осматривал мачты и корпуса шебек, пытаясь оценить урон от пушечных ядер и мушкетных пуль. Галера, что надвигалась с бакборта, почти не пострадала – снаряды и картечь просвистели над палубой, переломали кое-где рангоут да разбили пару десятков черепов. Той, что шла со штирборта, досталось основательнее – она низко осела в воде, палуба была залита кровью, тут и там валялись растерзанные тела, и боевые кличи заглушались жутким воем раненых. Серов решил, что тут половина небоеспособных и наверняка есть пробоины ниже ватерлинии. Это означало, что Кук со своими молодцами отобьет атаку.

Крюки на цепях и канатах прочно связали три корабля, и на «Ворон» с обеих сторон хлынули ревущие толпы. Сотни полторы – справа, где стоял Тернан, а слева, где оборонялись парни Кука, вдвое меньше. Кук удержал позицию; его люди разрядили пистолеты и теперь орудовали топорами и тесакими, не давая атакующим подняться на борт. Жак Герен, Страх Божий, Алан Шестипалый и Люк Форест стояли стеной; в пляшущем свете факелов Серов видел, как стремительно мелькают клинки, пронзают, рассекают, дробят кости и

черепа. Кажется, этот свирепый отпор ошеломил магометан – одни, мертвые или израненные, рухнули в щель между бортами кораблей, другие повисли на канатах, опасаясь продвигаться выше, туда, где свистела сталь и хищно впивались в плоть лезвия топоров.

У Тернана дело шло похуже – его парней оттеснили от борта, и они медленно пятились к мачтам. Каждый корсар бился с тремя-четырьмя врагами, и еще столько же подпирали сзади – палуба фрегата не позволяла им развернуться в цепь, но напор был слишком силен. Первым, с разбитой головой, свалился Уэсли Снайпс, Ян Коллет орудовал саблей, зажимая рану, голландца Брока сбили с ног, и его прикрыл Тернан, рубил обеими руками, тесаком и секирой, и что-то орал на французском. Он бился в середине строя, а справа, на шканцах, шеренгу корсаров уже обошли, и два десятка магометан вклинились между грот-мачтой и кормовой надстройкой. Еще минута, и они полезли по трапу на квартердек.

– Боб, атакуй! Отбрось их, пока не ударили в тыл Брюсу! – крикнул Серов, дивясь силе своего голоса, что раскатился над палубой как гром. Он шагнул к лестнице и выстрелил в бородатую оскаленную рожу, маячившую у сапог. Второй пистолет дал осечку, и он, чертыхнувшись, швырнул оружие в лицо полуголого турка, а может, араба, который упорно лез на трап. Тяжелая рукоять ударила его в висок, рассекла бровь до кости, хлынула кровь, и Серов выхватил шпагу, пронзил горло врага. Сзади загрохотало – дважды выпалил ван Мандер, а за ним рявкнули мушкеты братьев Свенсонов. Потом Олаф и Эрик прыгнули с квартердека прямо в толпу магометан, свалив пятерых или шестерых, и, точно две мельницы, заработали тесакими. Стиг – сабля в одной руке, кинжал в другой – остался с Серовым, прикрывая капитанскую спину. Стоя на верхней ступеньке трапа, Серов еще успел заметить, как ринулась в бой ватага Хрипатого Боба, как Рик Бразилец сцепился с огромным мускулистым турком, а Кактус Джо метнул секиру и, раскроив кому-то лоб, исчез среди смуглых тел и острых кривых ятаганов. Началась свалка, и к темным ночным небесам взмыли яростные выкрики, грозный лязг металла, хрипы умирающих и рев живых.

Тяжелый толедский клинок в руке Серова вызванивал похоронные песни, кровь брызгала на перчатки, на камзол и перевязь, чужие лица, то злобные, то искаженные страхом, маячили перед ним, разевали рты в предсмертной агонии, проваливались куда-то вниз и исчезали, точно под ногами суетилась шайка мелких демонов, тащивших убиенных прямо в ад. Джулио Росано, учивший Андрея фехтованию, говорил, что колющее оружие опаснее рубящего – при том же усилии острие копья или шпаги проникает глубже, чем сабельное лезвие, наносит не поверхностные раны, но достает до сердца, печени и прочих органов, без которых, что человек, что птица или зверь, жить неспособны. Пожалуй, хирургу Росано было виднее, чем отправить божьих тварей в преисподнюю быстро и надежно. Серов его уроки не забыл – да и как их забудешь в этом столетии, что войнами началось, а завершилось революцией и битвами с Наполеоном? В промежутках же – войны с турками, Семилетняя война,²⁰ мятеж в американских колониях и черт его знает, что еще... Немирный век, когда мужчинам приходилось не пахать и сеять, а размахивать клинком – чем Серов сейчас и занимался.

Он атаковал турка в богатых одеждах и белой чалме, накрученной поверх стального шлема. Лицо у него было властное, губы – тонкие, нос – с горбинкой, как у коршуна, и дрался этот тип отменно, сабля так и летала, отбивая финты и выпады. Серов кольнул его в запястье, но прикончить не успел – набежали другие турки, окружили тонкогубого, встали плечом к плечу; видно, был он знатной персоной, капитаном, а может, адмиралом всей флотилии. Пока Серов и Стиг рубились с его охраной, пока прорвался им на помощь Хрипатый Боб, турок отступил, перелез через планшир и утек обратно на шебеку.

Фрегат вдруг покачнулся, что при полном безветрии было необъяснимо, и начал медленно крениться на левый борт. Палуба «Ворона» перекосилась, часть бойцов попадала,

²⁰ Семилетняя война – война Пруссии с Австрией, Францией и Россией в 1756–1763 гг.

изрыгая проклятия на десяти языках, мачты и реи со свернутыми парусами поплыли в вышине, словно желая соскоблить с небес яркие звезды. Серов шагнул назад, укрывшись за спинами Стига и Боба, и повернулся к квартердеку. Там, у верхней ступени трапа, приплясывал ван Мандер, махал руками и что-то кричал. «Капитан... она тонет... чертова галера тонет... рубить!...» – донеслось до Серова сквозь вой и рык дерущейся толпы. Похоже, шебека, пробитая ядрами, готовилась отправиться на дно, и ее держали только крючья, цепи да канаты.

Андрей прыгнул к штирборту, где сражалась ватага Кука. Под ноги попался топор, Серов отбросил шпагу и подхватил его; гладкая рукоять надежно легла в ладонь. Крен становился все сильнее – шебека, полная воды, тянула «Ворона» за собой. Или положит на бок, или сорвет обшивку, мелькнула мысль. Оттолкнув кого-то из своих бойцов, он ринулся к планширу и перерубил натянутый, как струна, канат. Канат исчез внизу вместе с цеплявшимся за него человеком.

– Сбить крючья! – приказал Серов. – Рубить канаты! Поживей!

Лезвие топора глухо лязгнуло, ударившись о цепь. Рассечь ее он не сумел, но двумя ударами вырубил крюк вместе с куском планшира. Шебека, принайтованная к борту, осела в воде до самой палубы, и он услышал, как, задыхаясь, вопят рабы-гребцы. Кричали на всех европейских языках, молили Бога и Деву Марию, рыдали, богохульничали... Магометане, тоже охваченные смертным ужасом, лезли на борт «Ворона» беспорядочной толпой, сообщая, что их корабль скоро скроется в пучине. Но парни Кука трудились с усердием, рубили цепи, канаты и головы, пока не лопнула со звоном последняя снасть.

Фрегат вздрогнул, освобождаясь от тяжелого груза, над палубой шебеки сомкнулась вода, и вопли гребцов умолкли. Зато позади Серова раздался воинственный клич и, обернувшись, он увидел, как из люков лезут канониры Тегга. Сам Тегг размахивал шпагой, глаза его горели, лицо почернело от порохового дыма, и сейчас он больше всего напоминал дьявола из самых горячих мест преисподней. Магометане, кажется, уловили сходство и с криками: «Иблис! Иблис!» – отхлынули к борту.

– Брюс! – позвал Серов и, поймав взгляд предводителя ватаги, распорядился: – Возьми пятерых и оставайся здесь. Тех, кто в воде, перестрелять, но гребцов, если кого выловишь, поднимай на борт. Нам нужны люди. – Он поднял топор и покрутил им в воздухе. – Пятеро – с Брюсом, остальные – за мной! Сбросим нечисть в море!

Корсары ответили дружными криками. Зыбкий свет факелов мерцал в их зрачках, потные тела блестели, точно смазанные жиром, клинки и лезвия секир были окровавлены, рубахи разодраны в клочья. На миг Серову показалось, что он будто бы спит и видит исторический фильм, что-то вроде «Одиссеи капитана Блада», но тяжесть топора в руках была реальной, как и звуки схватки, как запахи пота, пороха и крови. Он повернулся, вскинул оружие, и в этот момент тьма разорвалась. Там, где замер невидимый испанский галеон, взлетели в небо фонтаны огня, брызнули обломки мачт и корпуса, и спустя мгновение грохот взрыва ударил сражавшихся на «Вороне» тяжелой кузнечной кувалдой.

Время замерло. Над палубой царил тишина, секунды тянулись как вечность, застыли ошеломленные взрывом бойцы, а Серов стоял, сжимая топор и глядя в темноту расширившимися глазами. Там, вдали, что-то шипело и догорало, расцвечивая мрак алыми искрами, и то был прощальный салют по умершим, по всем его надеждам, по Шейле и их неродившемуся ребенку. Потом искры погасли, и занавес тьмы вновь задернулся над морем.

– А-ааа! – Серов не узнал свой голос, даже не понял, что кричит. – А-ааа!

В горле у него захрипело, заклекотало. Он врезался в толпу врагов, раздавая смертоносные удары, будто не его рука и разум управляли оружием, а стальная секира, полная мести, злобы и ненависти, тащила его за собой. Ярость сжигала душу Серова, страшный бесплодный гнев человека, потерявшего то, что дороже жизни – свой прежний мир и этот

новый, сперва посуливший ему драгоценный подарок и отнявший его в единый миг. Это было огромной несправедливостью! И кто бы ни играл судьбой Андрея, бог или дьявол, случай или людская жестокость, этот кто-то был обязан заплатить. По самой высокой цене!

Серов проложил кровавую дорогу среди нападавших и пробился к борту. Магометане отступали – можно сказать, бежали в панике. Их было еще не меньше, чем корсаров, но боевой порыв угас; уцелевшие перепрыгивали на шебеку, спускались по канатам, рубили их саблями, резали ножами. Пестрая орда затопила палубу галеры, одни пытались оттолкнуться от корпуса фрегата, другие прыгали вниз, к гребцам, третьи еще грозили ятаганами. Посреди этой круговерти тел, оружия и одежд в багровых пятнах стоял у грот-мачты тонкогубый турок в шлеме и чалме, распоряжался, выкрикивал что-то резким гортанным голосом. Серов метнул секиру, она просвистела над головою предводителя, врезалась в мачту, и турок в испуге присел. Их взгляды встретились.

– Я тебя достану, ублюдок! – заревел Серов, не понимая, что говорит по-русски. – Достану! Землю и море переверну, но душу вытряхну! Ты от меня не уйдешь!

Турок насмешливо ощерился, приложил руку к штанам, помахал пятерней. Канаты были обрублены, цепи сброшены, и полоса воды между фрегатом и шебекой неотвратимо расширялась. Грохнул барабан, зашевелились весла, и узкая галера скользнула в темноту, растаяла, словно призрак. Несколько мушкетных выстрелов грянуло ей вслед.

– Боцман! – позвал Серов. Плотная фигура Хрипатого выросла за спиной. – Пусть спускают шлюпки. Две шлюпки, на каждую – по шесть гребцов. Бери тех, кто не ранен. Ты и я – за рулем.

– Будет исполнено, сэпп.

Хрипатый исчез.

– Тегг! Трупы за борт, прибрать на палубе! Мушкеты и пушки зарядить! Хансен, разберись с ранеными. Когда вернусь, доложишь о потерях.

Он снова ощущал себя капитаном, а значит, первым после Бога. Капитан не мог предаваться рефлексии, не мог печалиться и тосковать. Во всяком случае, не сейчас, не после кровопролитной битвы.

Раздался голос Хрипатого Боба, заскрипели тали, лодки одна за другой грузно шлепнулись в воду. Чьи-то пальцы стиснули плечо Серова. Он поднял голову и увидел Тегга.

– Она была отличной девчонкой, – пробормотал бомбардир, пряча глаза. – Будь я помоложе лет на десять, сам бы на ней женился... Ты, капитан, не думай о ее смерти, ты думай о том, что она сидит у ног Христа, а Дева Мария расчесывает ей волосы. Думай, что она в раю! Хотя, конечно, многим испанцам кровь пустила, есть такой грех... Но Бог милостив и все в Его руках... Простит!

Сердце у Серова заledenело.

– Не хорони ее раньше времени, – сказал он. – Может, в море ее выбросило, и плавает она теперь среди обломков. Может, и наши парни уцелели – пусть не все, так кто-то. Может, не каждого прибрал Господь.

– Может, – согласился Тегг и, вздохнув, добавил: – Крюйт-камера на «испанце» взорвалась, а за ней – и порох в трюме. С чего бы, дьявол? Или нехристи ядром попали, или кто-то из наших решил, что лучше у Христа за пазухой, чем в сарацинской неволе. Особенно для нее.

Тегг повернулся и зашагал по залитым кровью доскам, скликая уцелевших. Гребцы уже спускались в шлюпки, с борта им передавали весла, багры, факелы и фляги с водой и спиртным. На востоке уже алела полоска зари, и голые мачты «Ворона» начали выплывать из ночного мрака. Ветра по-прежнему не было.

Серов ухватился за канат и скользнул в лодку. Второе суденышко покачивалось рядом, корсары разбирали весла, и Хрипатый Боб сидел у руля. Тут была почти вся его ватага –

братья-датчане, темнокожий Рик, волосатый, как горилла, Кактус Джо и еще четверо парней. С ними – немой Фавершем, которому испанцы отрезали язык, Люк Форест и Страх Божий, бывший запорожец Стах Микульский. Все вроде бы целые, даже не раненые.

– Хрр... – произнес боцман, оглядывая физиономии гребцов. – Что приуныли, висельники? Охота тех доррезать, что на палубе валяются? Доррезать и обобрать? Так они голышом, а у кого штаны, так без карманцев! Я проверил! – Он поглядел на восток и буркнул: – Беррись за весла! Пока дойдем, рассветет.

Шлюпки отчалили. Серов правил вслед за Хрипатым Бобом – тот был опытный моряк, из тех, что дорогу в океане нюхом чувствуют. Да и плыть было недалеко, четыре кабельтова к зюйду, в привычных мерах меньше километра. Минут через двадцать показался на востоке солнечный край, расплескалась над морем заря, и в полумраке закачались вокруг обломки мачт и реев, доски, вырванные взрывом из палубы, и расщепленные бимсы. Обломков было много, но никто за них не цеплялся, не махал призывно руками и не вопил во весь голос.

Серов совсем помрачнел. Корсары поглядывали на него с сочувствием. Страх Божий сморщил клейменный лоб и просипел:

– Сарацинское отродье! Злыдни, свинячьи хари! – Потом перекрестился и забормотал молитву, то ли на украинском, то ли на польском.

– Однако мы им вломили, – заметил Форест, орудуя веслом. – Вломили, клянусь троном Сатаны! Мы бы еще...

Кто-то цыкнул на него, и Форест смолк.

Сердце у Серова заныло, в висках толчками билась кровь. Странная тварь человек – не признает очевидного, надеется на чудо, а если чуда не случилось, в беду не верит все равно. Хотя вот она, беда: обломки, мусор, а среди них – ни одной живой души. Ни Шейлы, ни Уота Стура, ни Тиррела, ни двадцати его парней...

Немой Джос Фавершем вдруг бросил весло, приподнялся и замычал, показывая на восток. Там темнели два бочонка, видно, пустых и связанных канатом; над одним торчала голова, а над другим – босые ноги. Серов встрепенулся, повернул руль, гребцы навалились на весла и принялись галдеть и гадать, кто там плавает, свой или нехристь, и в каком виде, мертвяк либо живой. Лодка Хрипатого Боба потянулась в их сторону, но Серов крикнул, чтобы каждый обломок осмотрели – вдруг еще кого найдут.

На бочках, задницей в воде, лежал Мортимер. Глаза закрыты, лицо побледнело, а из всей одежды – штаны да пояс с ножом. Выглядел он не лучше покойника, но когда потянули в шлюпку, раскрыл посинелые губы и прохрипел:

– Ррр... рр-му... му-у...

– Рому просит, – сказал сообразительный Люк Форест, нашаривая фляжку.

Страх Божий хлопнул Мортимера по плечу и начал растирать ему бока, приговаривая:

– Вот козак! Сущий козак, клянусь пресвятой Богородицей! В воде не тонет и в огне не горит! А водица-то нынче студеная! Зато огонь был жаркий...

Ром забулькал в глотке Мортимера, он закашлялся, но когда Люк попробовал отнять флягу, вцепился в нее обеими руками. Его трясло, но постепенно озноб стал проходить, щеки порозовели, глаза приоткрылись. Он высосал спиртное, сел и подставил Страху Божьему спину.

– За-амерз, п-прах и п-пепел! Потри-ка лопатки, п-приятель... посильнее... т-так, хорошо... Вот что, б-братцы, я вам скажу: лучше в п-пекле гореть, чем в холодном море окочуриться! Если бы в теплом, так я со всем удовольствием, а холода не люблю! Нет, не люблю! Как-то шли мы на Тортугу, еще с покойным к-капитаном, с Бруксом, значит, и вот...

Серов ухватил его за волосы, дернул и прошипел:

– Хватит баек, Морти! Докладывай, шельмец!

– Чего докладывать, сэр? Зажглись на «Вороне» огни, грохнуло из пушки, и я, как был в штанах и без сапог, – на палубу... А там уже драка! Навалились на нас неведомо кто! Думаю, тысяча... ну, полтысячи это уж точно... Я дюжину зарезал... – Почесав голую грудь, он спросил: – Ром еще есть?

– Больше пока не получишь, – промолвил Серов, чувствуя, как перехватывает горло. Слова выталкивались с трудом, точно в глотку ему забили кляп. – Рассказывай! Дальше рассказывай! Что с Шейлой? Что с Уотом и его людьми?

– Всех повязали, – сообщил Мортимер. – Убитых вроде трое или четверо, а всех остальных повязали, и Стура, и Хенка, и Тиррела, и хозяйку нашу. Повязали и на их поганое корыто сволокли... – Он печально понурился. – Слишком их было много, капитан... кучей, гады, задавили... навалились и задавили... Я сказал, тысяча?.. Нет, должно быть, две... А нас всего-то пара дюжин!

В душе Серова запели фанфары. Он наклонился к Мортимеру и переспросил:

– Так Шейла жива? Точно жива?

– Жива, капитан, жива, разрази меня гром! Я видел, как ее тащили... Лягалась так, что двум обломам рожи набок своротила! Четверо едва с ней справились... Чтоб мне в пекле гореть, если вру!

Шлюпка Хрипатого Боба приблизилась к ним.

– Моррти, сукин сын! – с удивлением каркнул боцман. Потом покачал головой. – Больше никого, капитан. Плавают кое-где мерртваки, но все как есть саррацины. Ни Уота, ни твоей малышки не видать.

– Он говорит, – Серов ткнул в Мортимера пальцем, – что наших взяли в плен. Кто-то погиб, но Шейла, Уот и Тиррел живы, а с ними еще шестнадцать человек.

– Хрр... Бог милостив! Я уж думал, все пошли на ррыбий коррм... – Хрипатый поглядел на Мортимера. – Значит, наших скрутили, а ты как уцелел? Сиганул с боррта, навоз черепаший?

– Спрятался, когда парней чернозадые на свои лоханки поволокли. В пороховом погребе! Высыпал порох из двух бочонков, проложил к борту дорожку, поджег – и в море! Тут было дюжины четыре сарацин – остались, наверно, чтобы отвести корабль в гавань. Всех отправил к Магомету! Жаль, гребные посудины уже отошли...

– Не жаль, – сказал Серов. – На тех посудинах наши люди, так что пусть идут себе к берегу без помех. А мы отправимся следом... Как ветер задует, так и отправимся!

Он поглядел на восходящее солнце и пустынный горизонт, соображая, что для Шейлы лучше, оказаться в лапах магрибских пиратов или сесть на веки вечные у христовых колен. Но райские кущи ей никто не гарантировал, так как грех смертоубийства она еще не искупила, и была ей прямая дорога если не в ад, так в чистилище. Неволя же обещала надежду, и Серов полагал, что отыщет ее – хоть в темнице, хоть в гареме! Отыщет непременно и выпустит кишки любому, кто ее обидел... Впрочем, Шейла Джин Амалия могла и сама это сделать, был бы кинжал или кухонный нож.

– Идем обратно, капитан? – спросил Хрипатый Боб.

– Да, возвращаемся. – Серов протянул Мортимеру полную фляжку. – Пей, братец, пей и грейся! Заслужил! Нынче ты у нас герой! Представлю тебя к почетному кресту с подвязками.

Морти со свистом втянул первый глоток, бросил взгляд на свои босые ноги и пробурчал:

– Мне этот крест, что лошади бантик. Вот от сапог не откажусь. Позволишь снять с убитых сарацинов?

– Выберешь лучшие. Там! – Серов махнул в сторону фрегата.

Гребцы навалились на весла, плеснула вода, и шлюпки двинулись к «Ворону».

* * *

Убитых турок и арабов на палубе уже не оказалось, а вокруг корабля кружили, разевая зубастые пасти, акулы. У грот-мачты кучей было свалено оружие, кривые сабли и ятаганы, а поверх них бросили кое-какую обувь, портупей и одежонку. Два десятка молодцов черпали ведрами воду, смывали с досок кровавые пятна, плотник Донован осматривал порубленный планшир, ван Мандер стоял у штурвала, шурился, слюнил палец, проверял, не задует ли ветер. Тегг с хирургом были на шканцах. Там, у бакборта, тянулся ряд аккуратно уложенных мертвых тел, и второй помощник, всматриваясь в лица погибших, делал отметки в судовом журнале. Журнал держал Абдалла, а бронзовую чернильницу – Мартин Деласкес. У обоих торчали за поясами пистолеты и тесаки – видимо, Тегг убедился, что они прошли боевое крещение. Хирург Дольф Хансен хлопотал над раненым – кажется, Колином Марчем, – но ног и рук ему не отнимал, а вытаскивал пулю из плеча длинными тонкими щипцами. Раненый извивался и вопил; его удерживали Жак Герен и Кук. У фок-мачты сгрудились пятеро тощих, пропеченных солнцем незнакомцев; лохмотья, служившие им одеждой, свисали с костлявых плеч, вокруг бедер были обмотаны грязные тряпки.

– Капитан на палубе! – рявкнул Тегг, и работа остановилась. Только Хансен продолжал тянуть мушкетную пулю, но его подопечный разом умолк – то ли отключился, то ли решил показать свое терпение и мужество.

– Продолжайте, джентльмены, – сказал Серов, хмурясь и кивая Теггу. Шеренга погибших выглядела весьма внушительной.

Вместе с Теггом и боцманом он поднялся к ван Мандеру и в двух словах пересказал услышанное от Мортимера. Хирург, упираясь в плечо Марча ладонью, вытащил наконец свинцовый кругляш, посыпал кожу порохом, прижег, и раненый застонал сквозь зубы. Герен поднес к его губам кружку рома.

– Наши потери? – спросил Серов.

Тегг поскреб заросший щетиной подбородок.

– Многие с синяками и порезами, но кости у всех целы. Убитых тринадцать и трое тяжелораненых. Двоих лекарь обещал выходить, но Дэнни Гранту проткнули печень. С этим ничего не поделаешь... Лежит без чувств на пушечной палубе и отходит к Богу.

– Плохая смерть, клянусь прреисподней! – заметил Хрипатый Боб.

– Мы вышли из Вест-Индии с экипажем в сто семь человек, считая супругу капитана, – с голландской основательностью произнес ван Мандер. – Взяли с испанского судна мальтийца и этого мавра, а оставили на нем две дюжины своих людей. В схватке потеряли четырнадцать. Так что теперь у нас двое раненых и шестьдесят девять в строю... Маловато! Если мы... – он бросил взгляд на Серова, – если решим выручить своих, надо удвоить команду.

– Без «если», – сказал Серов. – Кто эти оборванцы, что торчат у фока? На что они годны?

– Гребцы с сарацинской посуды – с той, что потонула. Магометанские невольники. Должно быть, шустрые парни, коль сумели выбраться. А на что годятся, сейчас узнаем. – Тегг перегнулся через планшир и зычно крикнул: – Эй, там, на баке! Вы, пятеро! К капитану!

Гребцы направились к квартердеку. Глядя на них, Серов подумал: года не прошло, как сам он точно так же шел к капитанскому мостику, чтобы предстать перед Джозефом Бруксом и Пилом. Покойным Бруксом и покойным Пилом... Много с тех пор воды утекло! Теперь это его корабль, и к нему, капитану, идут освобожденные рабы, чтобы выслушать приговор, принять дар жизни или смерти...

Имелась, конечно, разница. Он появился на «Вороне» из совсем другого мира, из грядущих времен, так что растерянность, ошеломление и страх были вполне понятны. Но эти

пятеро – не пришельцы, они – плоть от плоти, кровь от крови этого жестокого столетия, и все его опасности, все его тяготы им знакомы и привычны. Они не казались растерянными или испуганными – наоборот, они были счастливы.

Первым на квартердек поднялся высокий мужчина лет сорока. Он был истощен и грязен, но его плечи были широки, на руках и торсе бугрились крепкие мышцы, а тонкие черты лица, плотно сжатые губы и уверенный взгляд говорили о врожденном благородстве.

Мужчина размашисто перекрестился и произнес на французском:

– Хвала Господу, мы на христианском судне! Вы, мессир капитан, спасли нас от почитателей лжепророка, и нет пределов нашей благодарности! В знак этого я, Робер де Пернель, приношу обет. Клянусь, что в трех первых храмах, что попадутся мне по пути, я поставлю столько свечей перед образом Божьим, сколько храбрых мореходов на этом корабле!

В ответ на речи де Пернеля боцман ухмыльнулся, ван Мандер хмыкнул, а Тегг пробормотал:

– Двести свечек, моча черепашья! Лучше уж получить за них наличными.

Бывший невольник отвесил изящный поклон и повторил свое имя:

– Шевалье Робер де Пернель, мальтийский рыцарь, командор Ордена. К вашим услугам, господа!

– Андре де Серра, маркиз и капитан этого судна, – представился Серов, кланяясь в свою очередь. – А это – мои помощники: мастер Тегг, мастер ван Мандер и мастер... Боб, как твоя фамилия?

– Забыл, черрт, – буркнул Хрипатый. – Последний рраз ее называли в корролевском суде. Перед тем, как закатать меня на каторргу.

Но рыцарь де Пернель не обратил на этот инцидент ровно никакого внимания.

– Я полагаю, вы, маркиз, – капер на службе его величества?

«Какого величества?..» – подумал Серов, морща лоб. Потом ответил:

– Нет. Мы, шевалье... как бы это сказать?.. вольные охотники из Вест-Индии. Служим только Господу и собственному кошельку.

– Хмм... Пираты?

– Флибустьеры,²¹ – уточнил Серов. – Кто ваши спутники?

– Мои оруженосцы Жан и Луи, – произнес рыцарь, кивнув на тощих, но крепких темноволосых парней. – Двое других – Антонио Скорци, генуэзец, наемный воин, и Пирс Броснан, моряк из Бристоля. Если вы, мессир капитан, доставите нас на Мальту или в любой христианский порт, то...

– Об этом – позже, шевалье. Скажите, кто на нас напал?

²¹ Термины, обозначающие морских разбойников: пират – самое древнее наименование, происходящее от латинского «pirata» и греческого «peirates» (от глагола «peiran» – «испытывать», то есть «пытать счастья на море»); корсар – от итальянского «corsaro»; флибустьер – от английского «flyboat» (что означает «малое судно» – флибустьеры часто совершали свои набеги на небольших кораблях) или, возможно, от «freebooter», «вольный мореплаватель». Последний термин, самый поздний по своему возникновению, применялся исключительно к пиратам Вест-Индии, относившихся по своему национальному составу к англичанам и французам с некоторой примесью голландцев и скандинавов. Кроме указанных выше, бытовали еще два наименования: буканьер – французское «boucanier», и капер – немецкое «карег». Буканьерами именовались французские охотники на быков с острова Эспаньола (Гаити), которые с большой охотой шли в Береговое братство; в основе этого термина лежит индейское слово «букан» – решетка для высушивания мяса (таким сушеным мясом пираты Вест-Индии обычно питались в походах). Каперами назывались морские разбойники, получившие от властей Британии или Франции патент на военные действия против вест-индских испанских колоний. В более широком смысле каперы – любые держатели патента на морской разбой («королевские пираты»). Начало этому промыслу положил арагонский король Альфонс III в 1288 г., а впоследствии особые законы о каперстве появились в Генуе (1313–1316 гг.), во Франции (1400 г.), в Англии (1414 г.) и других странах. Каперство процветало и считалось законным вплоть до Крымской войны 1853–1856 гг. Его отменили на Парижском конгрессе Морской конвенции 16 апреля 1856 г., но в 1879–1880 гг., в период войны Перу и Боливии с Чили, еще встречались случаи каперства.

– Реис²² Ибрагим Караман по прозвищу Одноухий Дьявол. Один из тех нечестивцев, что плавают от Стамбула до магрибских берегов, жестоко угнетая христиан, захватывая их суда, убивая одних, а других пленяя, дабы взыскать золото с их безутешных родичей. Он шел из Эс-Сувеиры в Гибралтар и, думаю, наткнулся на вас случайно. Воистину он гиена из морских гиен, ядовитый змей, губитель христианских душ! Магистр нашего Ордена мессир Раймонд де Перелос де Рокафуль²³ послал против него галеры с рыцарями и тремя сотнями солдат, но в том бою мы потерпели поражение. Многие попали в плен... я и мои люди... Антонио Скорци и другие... А Броснана взяли у испанских берегов, когда ограбили торговый бриг... – Де Пернель вскинул вверх руки и, широко раскрыв глаза, обратился к ясному небу. – Благодарю тебя, Господи, что пробыли мы в неволе недолго и что послал ты нам избавление с этим кораблем! Неизмерима твоя милость, и потому хочу я дать еще один обет. Когда мы придем на Мальту, я...

– Подождите с обетами, шевалье, – молвил Серов. – Я хочу знать, где бросил якорь этот Караман. Есть ли постоянное место, где он держит пленных и свои сокровища? Где чинит корабли и пополняет экипажи? Где продает награбленное? Есть ли у него владение на берегу? Вы там бывали?

Рыцарь покачал головой.

– Нет, мессир. Как я сказал, мы пробыли в неволе недолго, три с лишним месяца. Но есть остров в заливе Сирт, именуемый Джерба,²⁴ и там собираются все магрибские разбойники, все враги христовой веры из Марокко, Алжира и Туниса. Лежит этот остров у самых африканских берегов, на юго-западе от Мальты, и оттуда до него двести двадцать миль.

– Местная Тортуга, – буркнул Сэмсон Тегг, поглаживая рукоять пистолета.

– Остров большой, размером с Мальту, – продолжал де Пернель. – Но Мальта находится в открытом море, между Сицилией и Африкой, а Джерба, как я сказал, у побережья, где есть удобные гавани. Должно быть...

Моряк из Бристоля кашлянул.

– Да, мастер Броснан?

– Если будет мне позволено, сэр... – У Пирса Броснана оказался гулкий сочный бас. – Я слышал от других гребцов, от тех несчастных, что были пленными долгие годы... пусть Господь помилует их души и примет в рай... – Моряк перекрестился. – Они говорили, сэр, что есть у Одноухого на Джербе усадьба и что его галеры там часто зимуют. Сейчас они пришли из Эс-Сувеиры, где Одноухий брал провиант, и туда он вернется, чтобы подлатать свои суда. А потом уйдет на Джербу через Гибралтар. Скоро зима, море будет штормить... В шторм на шебеке не поплываешь.

– Это верно, – кивнул ван Мандер. – Ну, что решишь, капитан?

– Мне нужно подумать, – произнес Серов, задумчиво глядя на восток. Там, за немногими милями, лежал марокканский берег, который в этих краях называли Магрибом, и там стояли города Эс-Сувеира, Сафи, Рабат, Танжер и другие. Страна сынов Аллаха, как сказал Мартин Деласкес, страна разбойников, где правит султан Мулай Исмаил и где христиан обращают в рабство или бросают в ямы к змеям и ядовитым паукам... Что ожидает там Шейлу? Шейлу, Стура, Тиррела и остальных?

Он повернулся к де Пернелю.

– Караман увел нескольких наших парней, рыцарь. В схватке с ним многие погибли – вот они, лежат на шканцах. – Серов вытянул руку к шеренге мертвых тел. – Мы не бро-

²² Реис – капитан (турецк.).

²³ Раймонд де Перелос де Рокафуль – историческое лицо; возглавлял Мальтийский орден в 1697–1720 гг.

²⁴ Джерба – остров у побережья Туниса, служивший в XVII–XVIII веках базой мусульманских пиратов в Западном Средиземноморье. Сейчас носит то же название и принадлежит Тунису.

сим своих, но мой экипаж нуждается в пополнении. Вас тут пятеро, и хоть вы слегка ото-
щали, я вижу, что люди вы крепкие и искусные в бою. Если я доставлю вас на Мальту – ска-
жем, месяца через три-четыре – согласитесь ли вы мне служить? Служить верой и правдой,
соблюдая законы Берегового братства?

– Хмм, – в глубокой задумчивости произнес де Пернель, – хмм... – Внезапно лицо
командора просветлело – кажется, он примирил долг благодарности, свои обеты и чувстви-
тельную совесть. – Я не стал бы служить пиратам, но флибустьеры из Вест-Индии – дело
другое, – молвил он. – Надеюсь, вы не будете грабить христиан? Топить корабли испанцев,
британцев и французов? Суда из Генуи, Венеции, Сицилии?

– За испанцев не поручусь, испанцев мы не любим. Но обещаю первым в драку не
лезть. А что до обороны, так этого Господь не запретил. Всякая живая тварь имеет право
обороняться.

– Всякая, даже магометане, – согласился де Пернель. – Я вижу, мессир капитан, что вы
человек разумный, и я могу послужить вам без урона для рыцарской чести. В чем приношу
обет и клятву! За себя, за Антонио, Луи и Жана, солдат Ордена! А мастер Броснан пусть
сам решает.

– Я согласен, – молвил мореход из Бристоля. – Я тоже клянусь! У меня к магометанским
собакам длинный счет.

– Ваши клятвы приняты. Боб, отведи их в каптерку, выдай одежду, оружие и вели накормить, – сказал Серов. – А я... я и мои офицеры... мы должны исполнить свой печальный
долг.

В сопровождении Тегга и ван Мандера он спустился на шканцы. Там уже собралось с
полсотни человек, большая часть команды. Люди замерли в мрачном молчании, многие – в
повязках, на которых выступала кровь. Рик и Кактус Джо придерживали доску, протянутую
над планширом, и около них стояли братья Свенсоны.

Серов двинулся вдоль ряда убитых, громко называя их имена и объявляя наследников.²⁵
Он помнил всех, и плававших с ним на «Вороне» со времен капитана Брукса, и нанятых на
Тортуге – всех, кто пожелал идти с ним в Московию, на службу государю Петру. Пожелал
идти, да не дошел...

Шеренга закончилась.

– Молитву, капитан, – напомнил ван Мандер.

– Да, разумеется. – Серов повернулся к толпе и увидел среди своих людей Робера де
Пернеля. Он был в прежних своих лохмотьях – видно, до каптерки так и не дошел. – Шева-
лье! Вы – командор Мальтийского ордена... Известна ли вам молитва на латыни, подхо-
дящая к случаю?

– Я постараюсь вспомнить, мессир капитан. Наш Орден теперь не совсем монашеский,
но еще с тех времен, как мы дрались за Святую Землю, мы провожали убитых в Царство
Божие. Много их было... тысячи и тысячи...

Рыцарь извлек откуда-то из-под лохмотьев крохотный крестик, поцеловал его и начал
ровным тихим голосом читать отходную на латинском. Слова падали в тишину. Не гудели
снасти, не шумела вода, не свистел ветер, не хлопали над головой паруса... Мертвый штиль,
подумал Серов. Мертвый, дьявол! Болтаемся тут как дерьмо в проруби, а Одноухий Караман
уже, должно быть, в Эс-Сувейре...

²⁵ Экипаж пиратского корабля состоял из ватаг, которыми предводительствовали офицеры и их помощники-сержанты – канониры, взводы abordажной команды и марсовые, которые работали с парусами. Но кроме этих групп существовали более мелкие неформальные объединения из двух, трех и более человек, связанных дружескими узами. Если кто-то из них погибал и не имел семьи на берегу, остальные считались наследниками его имущества, делили его оружие, деньги, одежду.

Молитва закончилась. Андрей махнул рукой Олафу, Стигу и Эрику, и те подняли первый труп, положили на доску. Доска накренилась, и тело, завернутое в холстину, с чугунным ядром в ногах, плеснув, ушло под воду. Свенсоны ухватили второго мертвеца.

Шуршание холстины, скрип трущейся о планшир доски и плеск... Это повторялось снова и снова. Шеренга убитых становилась все короче, потом на палубе остались лишь живые. Однако не расходились, ждали.

– Лекарь, проверь, как там Дэнни Грант, – велел Серов.

Хансен полез на орудийную палубу, потом высунул голову из люка и скорбно опустил глаза.

– Преставился?

– Да, капитан.

Вздыхнув, Серов кивнул братьям Свенсонам.

– Выносите! – и тихо пробормотал на русском: – Покойся с миром, Дэнни Грант! И пусть Господь тебя помилует...

Зашуршал холст, грохнуло о палубу ядро, скрипнула доска, плеснули холодные океанские воды.

Глава 3

Мертвый штиль

С начала XVI века пиратство в Средиземном море почти целиком сосредоточили в своих руках мусульмане, и с этих пор оно приобрело, можно сказать, религиозную окраску.

**А.Б. Снисаренко, «Рыцари удачи»,
Санкт-Петербург, 1991 г.**

В полдень Серов сменил ван Мандера и отстоял восьмичасовую дневную вахту. Время тянулось бесконечно. Расхаживая по квартердеку, Андрей пытался прогнать мысли о Шейле, но они возвращались, как стая голубей к рассыпанному пшени. Он то проклинал безветрие, то подсчитывал, сколько осталось на судне пороха и ядер, то прикидывал, с какой скоростью идут на веслах шебеки Ибрагима Карамана – получалось, что если примерно как пешим ходом, то часов через десять-пятнадцать они уже будут у берега, у пирсов Эс-Сувейры. И где окажется его любимая? То ли в яме под палящим солнцем, то ли в темнице с крепкими замками, и это было бы лучшей из всех возможностей. О худшей, о том, что рано или поздно она попадет в чью-то спальню, он старался не думать, перебивая эту мысль планами по захвату Эс-Сувейры или хотя бы гавани с причалами и кораблями. «Ворон» был не самым крупным из боевых фрегатов, но все же его пушки, двадцать четыре тяжелых орудия, могли сровнять с землей любое поселение, где не имелось мощных защитных бастионов и береговых фортов. Африканский городок с глинобитными хижинами и стенами из необожженных кирпичей был незащищен перед бомбардировкой. Во всяком случае, так полагал Серов.

Его экипаж успел передохнуть после ночного боя, поесть и выпить дневную порцию спиртного. Люди, однако, ворчали, и штиль усиливал чувство беспомощной злобы – никаких прибитков сражение не принесло, а одни лишь раны, гибель товарищей да потерю испанского галеона. Но в этом не было вины их предводителей, и потому ворчание не предвещало мятежа. Серов, тем не менее, понимал, что злость команды должна на кого-то излиться и лучше, если это будут сарацины.

Груды оружия, оставшегося после перебитых мусульман, убрали с палубы, частью распределив среди корсаров, частью отправив в корабельный арсенал или прямо за борт. Сабли местной марокканской работы не являлись ценностью, но нашлось несколько дамасских клинков, французских и испанских пистолетов и ятаганов из хорошей стали. Были еще кривые ножи, которые Деласкес назвал джамбиями, и даги²⁶ с клеймами миланских мастеров – наверняка с ограбленного судна из Италии. Одежды оказалось немного – все больше штаны и безрукавки, фески и короткие сапожки. Мортимер выбрал пару сапог, обрядился в шаровары непомерной ширины, напялил феску и сделался похож на турка: ходил, отставив зад, помахивал ятаганом да лопотал на тарабарском языке. Команда потешалась – особенно Страх Божий, у которого были давние счеты с магометанами.

Палубу отмыли и выскребли, заменили порубленный планшир, и плотник Донован с помощниками трудился до заката, пристраивая на место новые бизань-гик и бом-утлегарь. Корпус не имел пробоин, такелаж, не считая дюжины разрезанных канатов, тоже уцелел, орудия, паруса и рангоут были в полном порядке. Главной потерей «Ворона» являлись погибшие и захваченные в плен бойцы, но тут уж сам Творец помочь не мог – матросов в океане не заменишь.

²⁶ Джамбия – арабский кинжал с изогнутым лезвием, без гарды. Дага – кинжал для левой руки, который использовался как парное оружие к шпаге. Имеет защитную гарду.

Отоспавшись после вахты, ван Мандер поднялся к капитану, заметил, что тот не в себе, и повел успокоительные речи. Дескать, штиль поздней осенью – большая редкость, и надо ждать, что ветер задует ночью или с утра и будет, скорее всего, попутным, северо-восточным; хочешь, иди к африканскому берегу, хочешь – к Гибралтару или к британским портам. У атлантического побережья Африки и в Средиземном море ван Мандер не бывал, но, как опытный шкипер, кое-что слышал об этих краях. Море, по его словам, было еще коварнее океана; хоть не имелось в нем огромных валов и страшных тайфунов, зато налетали внезапные шквалы и бури, а навигация у континентов или среди островов, что в Эгейском море, что в Тирренском, Адриатическом и Ионийском, требовала доскональных знаний о бухтах, гаванях, глубинах, дельтах рек и каждой скале, каждом подводном камне. И потому, толковал ван Мандер, если решит капитан идти в Тунис или Алжир, понадобятся лоцманы, а значит, нужно вспомнить про Абдаллу и Деласкеса. Хвастали ведь, что знают африканский берег как свою ладонь!

Серов отвечал в том смысле, что, может, не придется в Средиземье плавать – может, явятся они в Эс-Сувейру, разгромят басурман, выручат своих, а Караману наденут пеньковый галстук и вздернут высоко и быстро. Но умудренный жизнью ван Мандер проворчал что-то на голландском и перевел: будь желания лошадьми, нищие ездили бы верхом. А после добавил, что мельницы Господни мелют медленно. Правда, зато верно.

В девятом часу, когда пала на океан темнота, Серов сдал вахту Сэмсону Теггу и отправился к себе. Их с Шейлой каюта была в кормовой надстройке и выходила окнами на балкон, тянувшийся вдоль всей кормы. Этажом ниже жили офицеры, и там, в кают-компании, сверкали бронзой два орудия, а еще был стол, за которым питался командный состав; при нужде на нем расстилали карты и делали расчеты, необходимые для верной навигации. Серов, однако, вниз не спустился, а зажег побольше свечей, нашел среди трофейных испанских карт искусно раскрашенные портуланы с чертежами северо-западной Африки и разложил их на койке. Береговая черта показалась ему искаженной, но океан и море были на месте, а также острова, от Канар до Мальты и Сицилии. На одной из карт, видимо, старинной, испанский картограф нарисовал в морях дельфинов и каравеллы с наполненными ветром парусами, в Атласских горах – разбойников в тюрбанах и с кривыми саблями, а в пустыне Сахаре – львов и драконов, бедуинов на верблюдах, страусов, змей и всякие иные чудеса. На побережье были помечены порты: Эс-Сувейра, Сафи, Касабланка, Рабат, Танжер, Сеута, Алжир, Тунис и кое-что еще. Были и материковые города, с названиями, которые помнились Серову, хотя и смутно: Фес, Марракеш, Мекнес.²⁷ Порты и города изображали башенки, размер которых, вероятно, определялся мощностью укреплений и силой того или иного правителя, султана, бея или аги. Башня Эс-Сувейры показалась Серову не очень впечатляющей.

За дверью кто-то поскребся, и он, оторвавшись от карт, крикнул:

– Кого там черт несет?

Показалась темнокожая физиономия Рика Бразильца. Одной рукой он придерживал дверь, в другой покачивал на ладони поднос с тарелкой, кружкой и кувшином. Выпучив глаза, Рик осведомился: желает ли капитана отужинать. «Надо кушать, надо, – бормотал на своем убогом английском, – не то хозяйка, мисси Шейла, вернувшись, рассердится на Рика, скажет: не давал капитана сухарь и мясо, не поил вином, и, значит, палка по тебе скучает, Рик, палка и линьки».

²⁷ *Фес и Марракеш* – две древние столицы Марокко, основанные соответственно в VIII и XI веках. *Касабланка* и *Рабат* – крупные порты на атлантическом побережье; в частности, Рабат и его пригород Сале являлись прибежищем магрибских пиратов, центром своеобразной пиратской республики, не всегда подчинявшейся марокканским султанам. *Мекнес* – сравнительно новый город неподалеку от Феса, построенный султаном Мулаем Измаилом в эпоху, описанную в романе; в него султан перенес свою столицу. Крупнейшие города Марокко в наше время: Касабланка (3,5 млн жителей), Марракеш (1,7 млн), Рабат (1,6 млн, столица Марокко), Фес (1,2 млн).

Серов велел ему оставить поднос, позвать де Пернеля, Деласкеса и мавра Абдаллу, а заодно принести бутылку рома и еще три кружки.

Он доедал свой ужин (копченая говядина, размоченный в воде сухарь и сухофрукты с испанского судна), когда в дверь опять постучали.

– Можно войти, – сказал Серов.

Трое вызванных им переступили высокий порог и, повинувшись жесту капитана, уселись на табуретах. Рик расставил кружки, наполнил их ромом и тихо удалился. В каюте, разгоняя темноту, горели полдюжины свечей, пахло воском, спиртным и просоленным морскими бризами деревом. Окно на балкон было распахнуто, сквозь него струился прохладный воздух, но пламя свечей не колебалось – ветер по-прежнему спал, не желая гнать корабль к магрибским берегам.

Серов осмотрел новых членов своей команды. Предплечье Деласкеса было обмотано тряпицей, на шее, под ухом, тянулся алый рубец, глаза запали – видать, в ночном сражении мальтиец принял не один удар и бился честно. Абдалла, он же Алехандро Сьерра, выглядел не таким утомленным и, кажется, не был ранен; на его бородатом суровом лице застыла маска терпеливого ожидания. Вероятно, этот человек испытал многие превратности судьбы и относился к ним с философским спокойствием; может быть, его поддерживала вера в Господа или в предопределение. Третий из новобранцев, командор Робер де Пернель, сменивший лохмотья на штаны и потертый колет из боцманских запасов, пребывал в глубокой задумчивости – очевидно, еще не утряс свои разногласия с совестью. Мог ли мальтийский рыцарь без потери чести служить на корсарском корабле? Была ли в этом некая проблема? Если была, Серов не представлял, какая, так как о Мальтийском ордене помнилось ему немного – собственно, лишь то, что императора Павла избрали великим магистром. То есть еще не избрали, но изберут, и случится это в конце восемнадцатого века...²⁸

Кивнув на Деласкеса, Серов повернулся к де Пернелю.

– Скажите, рыцарь, вы встречались с этим человеком?

– Возможно, мессир капитан. Не служил ли он прежде нашему Ордену?

– Служил. Это Мартин Деласкес, мальтиец, бывший солдат и бывший купец. А рядом – его приятель Алехандро Сьерра, крещеный мавр Абдалла.

– Маран,²⁹ – уточнил де Пернель.

Абдалла согласно кивнул – видимо, это неизвестное Серову слово не являлось обидным. Он побарабанил пальцами по столу, поглядел на койку с разложенными картами и произнес:

– Пожалуй, я отдам этих людей под ваше начало, командор. Разумеется, с теми четырьмя, что спаслись с шебеки. – Помолчав, Серов продолжил: – Вы трое плавали в этих водах, сражались у этих берегов и знаете, что за народы здесь обитают. Вы – люди опытные, и я нуждаюсь в вашем совете.

– Я в вашем полном распоряжении, мессир. – Де Пернель склонил голову, и Абдалла с Деласкесом повторили этот жест.

– Мы шли из Вест-Индии в северные моря, – сказал Серов. – В Россию, к царю Петру. Я слышал, он строит флот и щедро платит за услуги иноземных мореходов.

Деласкес зашевелился, почесал в бороде, недоуменно приподнял брови.

– Царь Питер? Мне рассказывали о нем, когда я добрался до Лондона, но о России я ничего не знаю. Кажется, он правит в Московии?

²⁸ Павел I, российский император, был великим магистром Мальтийского ордена в 1798–1801 гг.

²⁹ Маран – так в Испании называли мавров и евреев, принявших крещение. Для насильственно крещенных испанских мавров использовался еще один термин – мориск, но их окончательно изгнали из Испании в 1609–1610 гг.

– Его страна – Россия, а не Московия, – твердо промолвил Серов. – Запомни, Мартин: Россия! О ней еще услышат!

– Но зачем вам плыть туда, дон капитан? Это же край света... это дальше, чем ваша Вест-Индия... где-то за турками, за татарами... или за Польшей и Лифляндией?.. У черта на рогах, прости Господи!

– За татарами... Ты еще Китай вспомни! – Серов ухмыльнулся, но за державу было ему обидно. Держава, видимо, не пользовалась в Европах особым респектом. – Россия – богатейший край, Деласкес! Сокровищ там больше, чем во всех землях от Польши до Британии! И к тому же царь Петр жалует иноземцам титулы графов и князей.

– В нашем Ордене известно про эту страну, – сказал де Пернель. – Ее владыка сражается с Карлом, шведским королем и великим воителем. Что до земель царя Московии... прошу простить, России, – то они и правда богаты: оттуда везут лес, мед и меха. Но все же мне непонятно, месьир капитан... Вы – французский маркиз благородной фамилии де Серра... Зачем же вам титул графа в чужой стране?

Серов снова усмехнулся.

– Маркизом был мой отец, знатный дворянин из Нормандии, а я – его незаконный отпрыск. Бастард! Нет у меня поместий и замков, и титула, если разобраться, тоже нет. Зато есть корабль, пушки и боевая команда.

– Теперь я вас понимаю, – задумчиво промолвил де Пернель. – Понимаю! Благородство вашей крови нуждается в подтверждении, в дворянских грамотах, чего во Франции не добиться... Ах, наша прекрасная Франция!.. – Он поднял глаза к потолку. – Прекрасная, но недобрая и к бастардам, и к младшим сыновьям древних рыцарских родов... Что ж, месьир, незаконный отпрыск французского маркиза в России может сделаться графом. Это как минимум.

– Вообще-то я надеюсь пробиться в князья, – заметил Серов, – но разговор сейчас не об этом. Итак, мы шли из Вест-Индии в Россию, но буря отогнала нас в южные широты, к Канарам. Вчерашним днем мы встретили испанский галеон, но мирно разойтись не удалось – испанцы нас обстреляли. Я взял их корабль на абордаж и высадил на него призовую команду. – Он помолчал, покрутил кружку, глядя, как плещется в ней маслянистый ямайский ром, вдохнул его запах. – Я рассказываю это для вас, рыцарь де Пернель, ибо Деласкесу и Абдалле все известно. Они с того испанского корабля, прятались на нем, желая попасть на Канары.

Командор нахмурился.

– Остальных испанцев вы перебили? Не пожалели христианских душ?

– Пожалел. Я отпустил оставшихся в живых и дал им шлюпки, чтобы могли добраться до Канар. Пусть им сопутствует удача!

Серов поднял кружку, отхлебнул глоток, и Деласкес с рыцарем сделали то же самое. Но Абдалла к спиртному не прикоснулся.

– Что было дальше, месьир капитан?

– Ночью на нас напали сарацины, чему вы были свидетелем, де Пернель. Мой корабль отбился, но команду с галеона взяли в плен. Они не погибли, я точно это знаю! Мортимер... мой человек из призовой команды, взорвавший судно... он видел! Утром мы выловили его из воды. Он говорит, что в плен попали двадцать человек или около того.

– Создатель, помилуй их! – Де Пернель перекрестился, отпил из кружки, и Серов с Деласкесом последовали его примеру. Потом рыцарь произнес: – Двадцать человек... Я догадываюсь, месьир капитан, что вы хотите их выручить.

– Безусловно. Даже если мне придется плыть за этим Одноухим Караманом до самого Стамбула!

– Такой нужды нет. Если Господь пошлет удачу, вы настигнете его в Эс-Сувейре. А если не получится, надо идти на Джербу или искать ваших людей на невольничьих рынках Алжира и Туниса. Они, вероятно, крепкие мужчины... Дорогой товар! Но настоящую цену можно взять только в больших приморских городах, в том же Алжире или Тунисе. Там есть миссии нашего Ордена и люди, которые выкупают христиан.

– За ценой я не постою, мой корабль набит серебром и золотом, – сказал Серов. Подумал и добавил: – Кроме того, у меня есть пушки.

Они снова выпили, и Абдалла, так и не прикоснувшийся к рому, произнес:

– Могут не продат. Могут посадит в яму. Надолго!

Он заговорил на арабском, а когда речи мавра завершились, Деласкес перевел:

– Ваши люди, синьор капитан, воины и опытные мореходы. Им предложат перейти на веру Магомета, и если они согласятся, Караман примет их в число своих бойцов. Тем более... хмм... что они – корсары из Вест-Индии. Они сражались за добычу, топили корабли, резали христиан... пусть испанцев, но все же христиан... Не все ли равно, как искать богатства в море, под знаком креста или полумесяца?

– Это, в общем-то, без разницы, – согласился Серов. – Важно не как искать, а с кем. Не думаю, что они променяют «Ворон» на шебеки Карамана. Но мысль у Абдаллы верная – могут не продать, а в яму посадить. И в таком случае где они могут очутиться?

Его собеседники переглянулись и призадумались. Затем де Пернель произнес:

– Думаю, на Джербе. Как сказал Броснан, у Карамана там усадьба и его галеры там зимуют. А зима и зимние бури уже не за горами. – Замолчав, он уставился в потолок, потом продолжил: – Клянусь ранами Христовыми, я не ищу выгод, мессир капитан... Но если вы не найдете своих моряков в Эс-Сувейре, советую идти на Мальту. Там можно перезимовать и подготовить экспедицию на Джербу. Я уверен, что мессир Раймонд, великий магистр Ордена, вам в этом посодействует. И я тоже! А я не последний человек среди братьев-рыцарей! – Де Пернель торжественно вскинул руку. – И я даю обет, что...

Серов стукнул костяшками пальцев о столешницу.

– Подождите с обетами, командор, вы еще не знаете всей истории. Боюсь, что она намного сложнее! – Поднявшись, он подошел к распахнутому окну и поглядел на звезды, сиявшие над океаном. Ему показалось, что щеки гладит слабое дыхание бриза. – Мне нужно пополнить команду, – сказал Серов, поворачиваясь. – Мне нужны смелые парни... смелые и умелые... моряки, мушкетеры, канониры, опытные бойцы... Я хочу знать, есть ли в Эс-Сувейре пленники – такие, как вы, де Пернель, готовые драться как дьяволы. Желательно британцы, итальянцы и французы. Испанцев я взять не могу – команда не поймет.

– Есть, – кивнул де Пернель. – Караман пришел в Эс-Сувейру на четырех шебеках, но в гавани были и другие суда, не меньше дюжины... – Он наморщил лоб. – Можно расспросить Пирса, Антонио, Луи и Жана, вдруг что-то вспомнят... На берегу, рядом с корабельными стоянками, высокая изгородь, а за ней – сараи. Мне кажется, что туда загоняют невольников-гребцов с пиратских кораблей. Должно быть, их несколько сотен.

Серов вернулся к столу, достал лист бумаги, кивнул на чернильницу.

– Какие в Эс-Сувейре укрепления? И где? Нарисуйте, шевалье, и пусть ваши люди уточнят. Сколько орудий и каких? Кто охраняет гавань? Большое ли войско у Мулая Измаила, который правит в этих землях? Сколько его солдат в Эс-Сувейре? Какая численность пиратских экипажей?

– Боюсь, что не смогу ответить на все ваши вопросы, – промолвил рыцарь, однако взял бумагу, обмакнул перо в чернильницу и принялся рисовать. В его точных экономных движениях ощущалась сноровка военного человека. Абдалла внимательно следил за тем, как на бумаге появляется чертеж, щурил темные глаза-маслины, склонял голову к плечу и вдруг заметил:

– Здэс нэ так, эфенди. Я жить в этот страна и побывать в Эс-Сувэйр, я знаэт.

Они с Деласкесом принялись подсказывать де Пернелю, тут же исправлявшему рисунок. Серов внимательно слушал. Войско у Мулая Измаила было огромное,³⁰ но пехотинцы и всадники стояли большей частью в крупных континентальных городах, у Феса, Марракеша и Мекнеса, а также у Касабланки, принадлежавшей португальцам, и на границе с Алжиром. Эс-Сувейра являлась незначительным пунктом на окраине державы, местом ссылки инвалидов и одряхлевших солдат, одной из мелких баз магрибских пиратов в Атлантике; население тут пробавлялось торговлей, рыболовством и добычей раковин, из которых получали пурпурную краску. Этот марокканский городок не мог похвастать крепкой обороной: порт охраняли две батареи со старыми четырех- и шестифунтовыми пушками, увечных воинов Измаила было сотни две, и Абдалла назвал их ленивыми свиньями и хадиджами, что означало недоноски. Самую серьезную опасность представляли пиратские суда и их команды, которые могли насчитывать тысячу бойцов, и две, и три. Но Абдалла утверждал, что в преддверии зимы боевых кораблей в Эс-Сувейре немного – возможно, дюжина или десяток. Еще он добавил, что между городом и портом лежит большая базарная площадь с харчевнями и кабаками, где пираты продают и покупают, дерутся друг с другом, торгуются с купцами, а в промежутках между этими занятиями пьют и ходят к женщинам.

– Пьют? – удивился Серов. – Аллах запретил магометанам пить.

– Аллах запрэтит вино, но ест гашиш и ест другой напитки, крэпче. – Абдалла приподнял кружку с ромом. – Этот напиток в Коран нэ сказан, потому пьют. Но турок пить всэ. Турок сын Иблис, почти нэ правовэрный.

– Магрибцы турок не любят, – пояснил Мартин Деласкес.

– Но ты, Абдалла, рома не пьешь, хоть христианин, – сказал Серов. – А христианину положено закладывать за воротник – это, знаешь ли, символ веры. Но ты не пьешь! Почему? В самом деле еретик? Или все еще предан Аллаху?

Мавр покачал темноволосой головой.

– Аллах, Христос – разный названий для Бога, который чэловек придумат. Я учится у суфий³¹ Али ибн Джарир, и учитэл сказат: Бог, чэловек – едины. Вахдат аль-вуджуд!³² Жизн ест постижэний Всевышний и собствэнный душа... Но вино – плохой дорога к Богу.

«Философ»! – подумал Серов с уважением, забрал у Абдаллы емкость со спиртным и разлил по трем другим кружкам. Сам он относился к православному роду-племени, а де Пернель с Деласкесом были католиками, но похоже, что настоящим христианином в их компании являлся Абдалла.

Рыцарь закончил чертеж и протянул его Серову.

– Это все, мессир? Все, чем мы можем быть вам полезны?

– Нет. Есть еще одно обстоятельство. Оно касается женщины.

– А! – воскликнул Деласкес. Он видел Шейлу на испанском судне и, вероятно, догадался, о чем пойдет речь.

– Среди пленников, захваченных Караманом, моя жена, молодая красивая женщина. Очень красивая! У нее должен быть... – Серов почувствовал, как перехватывает горло, глотнул рома и закончил: – Она на третьем месяце. Мы ждем ребенка.

³⁰ Армия султана Мулая Измаила в описываемый период составляла сто пятьдесят тысяч солдат, в том числе – многочисленные отряды конницы. В основном воинов вербовали в Судане, но кроме суданских негров были солдаты арабского происхождения, коренные марокканцы или мавры, бежавшие в XVI веке из Испании, а также европейцы-ренегаты, попавшие в плен и принявшие мусульманство.

³¹ Суфизм – мистическое течение в исламе, зародившееся в VIII веке в Ираке и Сирии. Было весьма разнородно, но, как правило, противостояло традиционной мусульманской религии. Суфиев считали мудрецами и хранителями тайного знания.

³² Вахдат аль-вуджуд – доктрина «единства бытия», которую сформулировал один из арабских суфиев-философов Ибн аль-Араби.

– Дева Мария! – произнес де Пернель. – Заступись и сохрани! Эти мусульманские собаки могут...

Но Абдалла прервал его, заговорив на арабском, и говорил он довольно долго, делая по временам скупые жесты, прикладывая к сердцу ладонь и протягивая руки к открытому окну, то ли к звездам и небу, то ли к близкому африканскому берегу. Деласкес несколько раз о чем-то переспрашивал мавра, затем повернулся к Серову и сказал:

– Он говорит, дон капитан, что молодые красавицы всегда достаются предводителю – обычай такой, что у турок, что у арабов. Караман возьмет ее себе, но насиловать не будет. Красивые женщины со светлыми волосами и синими глазами очень, очень дорогой товар! Редкий! Караман продаст ее в гарем или подарит большому владыке, султану Мулаю Измаилу, который любит европейских женщин, или дею Алжира, а может, отвезет в Стамбул. Но сначала позволит ей родить дитя, потому что с животом она не представляет ценности. У магометан есть опытные старухи, они проверят, что ваша жена в тягости и присмотрят за ней. Не беспокойтесь, синьор! Они это сделают лучше, чем лекарь в любой из стран Европы.

Серов наконец смог вздохнуть полной грудью. Пряча лицо в тених, он проворчал:

– Надеюсь, ей не придется жить в неволе семь месяцев и рожать у арабов или турок. Я должен раньше ее найти! А если будут там опытные старушки, так мы их с собой прихватим. Я за одну такую старушку тысячу песо отдам!

– Вы благородный человек, – сказал де Пернель. – Вы преданы своей супруге и вы хотите выручить своих людей... Я встречал множество знатных людей, более родовитых, чем вы или я, которые, забыв о близких, подняли бы паруса и уплыли из этих проклятых вод. А вы... вы настоящий рыцарь, мессир де Серра! И потому я все же хочу произнести обет. – Он поднял правую руку, а левой стиснул висевший на груди крестик. – Клянусь, что не покину вас, пока вы не найдете свою супругу! Клянусь, что буду вам верным спутником, пока не ступят на палубу «Ворона» ваши люди! И если придется мне пролить кровь или отдать жизнь во исполнение этого обета, то пусть так и будет! Клянусь в том спасением своей души и Господом, моим заступником и водителем!

Серов вытер повлажневшие глаза. Такого в мои времена не услышишь! – подумалось ему. Да, спутники, компьютеры, ракеты, ванна джакузи, теплый сортир и остальная хреновень – это пожайлуста, это у нас есть... А благородство где?... Самопожертвование, гордость, рыцарская честь?... Чувство благодарности и душевная щедрость?... Умение выразить словом и жестом свой порыв, и сделать это открыто и прямо, не боясь ни косых взглядов, ни кривых усмешек? Если придется пролить кровь или отдать жизнь, то пусть так и будет... Надо же! А ведь мы с ним и дня не знакомы!

– Благодарю вас, рыцарь, – глухо произнес он. Потом его голос окреп, он повернулся к койке с картами и вымолвил: – Ну, вернемся к делу. Мальту я нашел, а теперь покажите мне, где остров Джерба и залив Сирт. Я хочу прикинуть, за сколько дней мы туда дойдем при попутном ветре. На тот случай, если Караман оставил Эс-Сувейру...

* * *

Когда советники удалились, Серов опять подошел к окну и встал там, жадно глотая прохладный воздух. Думы о Шейле не покидали его, и сейчас он размышлял о том, можно ли верить Абдалле. Возможно, этот странный тип, выкрест, говоря по-русски, или вообще атеист арабского разлива, хотел его успокоить? Хотел вселить в него уверенность?..

Уверенность, ха!

«Да я ведь, пожалуй, самый уверенный на планете человек, ибо мне известно будущее, – думал Серов. – Конечно, не в деталях и не в ближайшие дни и месяцы, но все же, все же... Я знаю, что Людовик Французский, король-солнце, протянет еще лет пятнадцать и

что война за испанское наследство кончится ничем... Знаю, что шведов разобьют при Полтаве и Гангуте, что в середине века начнутся войны с турками, а через столетие – с Наполеоном... Знаю, что Эйлер,³³ Ломоносов и Суворов еще не родились, а Рембранд и Гюйгенс уже умерли... Знаю о великих людях, что живут сейчас, не о царях и королях, но гениях, что сохранятся в памяти людской, когда о нынешних особах царской крови будут помнить лишь историки... Ньютон,³⁴ Лейбниц, братья Бернулли, Бах и этот английский философ... как его... Джон Локк?... все они нынче мои современники! С ума сойти! Да что там современники, есть и покруче чудеса! Вот сундук в моей каюте, и в нем, под нарядами Шейлы, ларец, а в ларце – завещанный Джулио Росано манускрипт, что написал Леонардо да Винчи! Книга пророчеств, составленных им со слов несчастного Игоря Елисеева, который провалился из аномальной зоны в пятнадцатый век и умер во Флоренции, то ли от чумы, то ли от холеры...»

Мысли его вновь вернулись к Шейле и их еще не рожденному ребенку. Вот появится на свет это дитя любви и продолжит род Серовых, и через три столетия его, Андрея, гены и кровь, пропутешествовав через века, появятся в настоящем, которое для него сейчас далекое будущее... Можно ли считать это вмешательством в историю? Изменится ли мир от того, что некий Андрей Серов изъят неведомым способом из своей эпохи и переправлен в прошлое? А ведь в этом прошлом он не прячется в нору, как рак-отшельник, а живет весьма активно; будут у него потомки, дети, внуки, правнуки, будут жизни, которые он оборвал, всадив в чью-то грудь клинок или пулю. Собственно, детей и внуков еще нет, а покойных уже целая рота! Эдвард Пил, заколотый им на «Вороне», испанец, убитый в Пуэнте-дель-Оро, другие испанцы, к которым добавились теперь магрибские разбойники... Сколько он их перебил? Наверняка не один десяток... Это ли не вмешательство в историю! Явился отморозок из двадцать первого столетия, стал по случаю пиратом и, как положено в этом ремесле, бьет да режет!

А ведь я не один такой, внезапно подумал Серов. Не один, есть еще двадцать исчезнувших на Камчатке и в прочих аномальных зонах. Евгений Штильмарк, врач из Твери, Линда Ковальская, экономист, Наталья Ртищева, Игорь Елисеев, парни из Нижегородского политеха, Губерт Фрик из Мюнхена и остальные... Все они провалились в прошлое, и где бы ни довелось им приземлиться, от эпохи фараонов до Второй мировой, всем – даже женщинам – придется убивать. Убивать, чтобы выжить, чтобы спасти близких, тех, кого нашел в новом времени, чтобы защитить себя, не умереть голодной смертью в чистом поле... Убивать, ибо история мира полна жестокости, борьбы и войн, так что в какую эпоху ни попадешь, меч или мушкет сами запросятся в руки. И потянется вслед за пришельцами список убитых и спасенных либо иные хроноклазмы...³⁵ Вот Игорь Елисеев, попавший к Леонардо во Флоренцию: возможно, он никого не убил и, может, даже спас, а еще поведал мессире да Винчи столько всякого, что на целый том хватило.

Спасенные и отнятые жизни, рождение потомства, собственная смерть, сведения, переданные предкам, идеи, что появились до времени... Изменит ли это грядущий мир, исказит ли историю, и в чем? – размышлял Серов. Ведь история – не математика, которая едина, историй множество, и объективность их зависит от личных мнений летописца. Для человека

³³ Леонард *Эйлер*, математик (1707–1783 гг.), Михаил Васильевич *Ломоносов* (1711–1765 гг.), Александр Васильевич *Суворов* (1730–1800 гг.), *Рембранд* Харменс ван Рейн (1606–1669 гг.), Христиан *Гюйгенс*, голландский математик, физик и астроном, автор волновой теории света (1629–1695 гг.).

³⁴ Исаак *Ньютон* (1642–1727 гг.), Готфрид Вильгельм *Лейбниц* (1646–1716 гг.), Яков *Бернулли*, швейцарский математик, один из создателей теории вероятности (1654–1706 гг.), Жан *Бернулли*, математик, брат Якова (1667–1748 гг.), Иоган Себастьян *Бах* (1685–1750 гг.), Джон *Локк*, английский философ (1632–1704 гг.).

³⁵ *Хроноклазм* – принятый в научной фантастике термин, означающий последствия вмешательства пришельцев из будущего в прошлое.

амбициозного история – схватка великих королей и полководцев, для верующего – промысел Господень и приближение к Страшному суду, для инженера – череда открытий, смена технологий, для марксиста – переход от первобытно-общинного строя к коммунизму на фоне классовой борьбы... У каждого своя история, и каждый по-разному оценит те несообразности, что происходят тут и там, запоминаясь или теряясь в тысячелетиях. Некогда в Египте и Шумере возникла письменность – почему?.. Вавилоняне решали квадратные уравнения, майя составили точный календарь, халебы с Кавказских гор плавил железо, китайцы придумали порох... Опять же, почему и как? Один историк скажет – закономерность развития, другой усмотрит в этом чудо, парадокс, влияние космических пришельцев, научивших и подсказавших то и это. Но от пришельцев из космоса недалеко до странников во времени. Если он, Серов, провалился в темпоральную дыру, если это случилось с другими его современниками, то понятно: случай не единичный. Во все эпохи, во всех временах и странах такое случалось с людьми, и, вероятно, этих таинственно исчезнувших, загадочно пропавших многие, многие тысячи. Они попадали из своего настоящего в прошлое, кто-то погибал, кто-то выживал, одаривал предков новыми идеями, и если они были к месту, что-то появлялось – скажем, порох, письменность или железо. И значит, он, Андрей Серов, волен делать что угодно, ибо история все учтет, ненужное отбросит, ценное оставит, и уж во всяком случае не будет обижаться на него и Шейлу за их ребенка.

Такие мысли успокаивали, вселяли уверенность в прочности его Вселенной. Серов ощущал себя не случайным винтиком в сложном механизме бытия, а его законной частью, столь же необходимой миру и времени, как Ньютон, Лейбниц или философ Локк. Выходит, было predetermined, что в марте 1701 года появится на палубе «Ворона» некий Андре Серра, что станет он капитаном и супругом Шейлы Джин Амалии и что они со всей своей командой поплывут в Россию. Но доплывут ли?..

Серов вздохнул, отошел от окна, убрал карты с койки и растянулся на шерстяном одеяле. Для него и Шейлы койка казалась узковатой, но ему одному была широка. От подушек пахло лавандой и нежным ароматом женской кожи, и это благоухание перебивало запахи свечей, дерева и недопитого рома. Полежав минут пять или десять, Серов поднялся, погасил свечи, снова лег и попытался уснуть.

Против ожиданий, это ему удалось – видимо, сказались усталость и нервное переутомление. И приснился Серову сон, будто он в своей квартире, в Москве, на Новослободской; будто идет он от входной двери в гостиную, а там все, как встарь: древний буфет из мореного дуба, обитый плюшем диван, шкаф с зеркалом и стулья с прямыми спинками у круглого стола. На стенах – знакомые картины, снимки и афиши: бабушка Катя порхает над крупом гнедого жеребца, прадедушка Виктор на цирковой арене – важный, в усах, верховых сапогах и с шамберьером, папа Юра идет по канату, а мама Даша, в розовом трико, тянется к нему рукой. И будто бы все они здесь, в Москве, а вовсе не в Америке – чинно сидят у стола, гоняют чай и заедают баранками. Вся их цирковая семья: папа Юра, мама Даша, сестренка Леночка, ее супруг Володя-канатоходец и даже кто-то мелкий, то ли племянш, то ли племяншка. А самое удивительное, что на диване, разбросив широкие юбки, восседает Шейла Джин Амалия, графиня графинею, в сапфировых серьгах и ожерелье, что так идут к синим ее очам. Сидит она на плюшевом диванчике, смотрит на новую свою семью и улыбается.

«Ну, Андрюша, как тебе в морских разбойниках? Не жмет?» – спрашивает папа Юра. «Поначалу тошно было, а теперь ничего, притерпелся, – отвечает Серов. – Теперь я большой человек, стою на капитанском мостике, на палубе – мой экипаж, а под ногами – двадцать четыре пушки. Тяжелые орудия, ядра – с пуд, дальность стрельбы – четыре кабельтова. С ними я в море первый после Бога!»

Мама с сомнением поджигает губы. «Но все-таки, сынок, быть пиратом как-то неприлично. Не нравилось тебе в цирке, так ты в бизнесмены пошел, там не прижился, офицером

стал, повоевал за отчизну, уволился, сделался сыщиком... В наше время любое из этих занятий – дело почтенное, нужное. А пиратом... Фи!» «Зато Шейлочка у него как елка разукрашена, – говорит зять Володя, косясь на Шейлу. – Камешки-то настоящие, значит, прибыльное ремесло! Я бы тоже в пираты подался и спроворил Ленке такой же гарнитурчик». Сестра возмущенно поднимает брови: «И не мечтай! Ты по канату идешь, через шаг запинаешься! Куда тебе в пираты! Опять же ты семейный человек, с детьми!»

«Я тоже семейный и тоже вскорости буду с детьми, – говорит Серов. – И не пират я вовсе, а флибустьер! Это пиво совсем другого разлива! Приду к царю Петру Алексеевичу, выправлю патент и стану капером и благородным кавалером!» «Так ты уже пришел, – замечает мама Даша. – Ты ведь уже в Москве, сынок, только царя Петра здесь нет, а есть мэр Лужков Юрий Михайлович. Может, к нему на службу пойдешь?» «Почему бы и нет, – отвечает Серов, чувствуя, однако, некоторое разочарование. – Мэр тоже чем-нибудь да пожалует. А сейчас пойдем смотреть мой фрегат. Он, должно быть, стоит на Москве-реке, у Москворецкого моста».

Тут они поднимаются и выходят из дома на Новослободскую, где ждет их семейство открытый лимузин с тройкой орловских рысаков и Риком Бразильцем на месте кучера. Все рассаживаются, и вдруг Серов замечает, что Шейлы с ними нет. Сердце его бьется тревожно и часто, он бежит в подъезд, потом в квартиру, в гостиную, где сидела она на плюшевом диванчике, и видит, что диван пустой. «Шейла! Шейла!» – зовет Серов, но откликается только эхо: «Ла-аа... ла-аа...» Потом он слышит грохот.

Грохнула оконная створка и разбудила Серова. Поднималось солнце, небо было синим и глубоким, и ветер гнал по нему редкие облака.

Глава 4 Эс-Сувейра

Чего не совершили бы эти люди при своем мужестве, терпении и других воинских доблестях при благоприятствовавшем им счастье, если бы гениальный человек соединил их всех, подчинил предприятия их правильной системе и образовал таким образом лучшее целое! Но этого не случилось. Поэтому история флибустьеров состоит из отдельных, без всякой связи, часто совершенно изолированных деяний, из которых каждое, по мере важности цели, имело больший или меньший интерес, который определялся также иногда характером и подвигами предводителей.

**Ф. Архенгольц «История морских разбойников Средиземного моря и Океана»,
Тюбинген, 1803 г.**

Утром, в девятом часу, Серов собрал экипаж на шканцах и объявил о перемене курса, о том, что идут они не на север, к британским гаваням, а на восток. Идут в Эс-Сувейру, чтобы выручить Уота Стура и его парней, ибо нельзя бросать их в сарацинских лапах, не по-божески это будет – тем более не по закону Берегового братства. Да и лапы сарацинские надо бы укоротить, отплатив за погибших сторицей. Одно дело смерть принять и раны, когда за добычу бьешься, и совсем другое, когда прибытка нет, а есть четырнадцать покойников. Это значит, что за сарацинами должок! Само собой, не за каждым, а конкретно за гиеной Караманом и всеми его сотоварищами по ремеслу, какие имеют место быть в Эс-Сувейре. Все, что они награбили у христиан или других магометан, следует экспроприировать, корабли их поганые сжечь, старшин повесить, порт разгромить, но первым делом найти Уота Стура. Один за всех, все за одного! Вперед, камерады!

Речь Серова приняли с большим воодушевлением, одобрительными криками и лязганьем клинков. Дождавшись тишины, он объявил награду от себя лично: триста дукатов³⁶ золотом тому, кто разыщет его достойную супругу Шейлу Джин Амалию. Это вызвало новую бурю восторгов.

Затем люди разошлись. Часть отправилась с Теггом на оружейную палубу чистить пушки, подтаскивать ядра и пороховые рукава, часть, под присмотром ван Мандера, работала с парусами, а остальные точили палаши, острили кинжалы и заряжали мушкеты. У штурвала стоял Стиг Свенсон, и его соломенная грива, повязанная красным платком, золотилась под солнечными лучами. Хрипатый Боб, выкатив бочонок, помешивал спиртное черпаком и шумно принимался – выдача рома перед сражением являлась боцманской привилегией. Юго-восточный ветер был устойчивым, «Ворон» резво бежал к африканскому берегу, делая восемь узлов, и это значило, что после полуночи фрегат доберется до Эс-Сувейры. Ночью Серов атаковать не хотел, рассчитывая лишь на то, что в сумерках и мраке фрегат не заметят с береговых укреплений. Он ударит утром, с первыми лучами солнца.

С подозрительной трубой за поясом Серов расхаживал по квартердеку, чувствуя, как палуба под ногами идет то вверх, то вниз. Штиль кончился, и его корабль ожил: наполнился ветром тугие паруса, поскрипывали мачты и реи, басовито гудели канаты, шипела под килем вода, и голоса людей, готовившихся к бою, вливались в эту симфонию, как вскрики чаек. Глядя на

³⁶ Дукат – монета, ходившая по всей Европе под различными названиями и весившая 3,5 грамма. В России первая золотая монета также являлась весовой копией дуката и называлась червонцем (выпущена в 1701 г.). Триста дукатов – больше килограмма золота; такую цену Серов предложил за сведения о своей жене.

море с барашками пены, он вспоминал свой сон и усмехался – надо же, привидится такое! Но хорошо, что привиделось, – значит, еще не позабыл родные лица, еще звучит в ушах мамин голос... А пройдет лет тридцать, так ничего и не вспомнится! Заслонит восемнадцатый век и двадцатый, и двадцать первый, и будут приходить в кошмарах Петр Алексеевич с кошачьими усами, хитрюга Меншиков да пьяные рожи царских лизоблюдов...

Хотя, подумал Серов, должны к тому времени вырасти дети, мои и шейлины потомки, и я их увижу в снах и наяву – если, конечно, протяну тридцатник. А это совсем непросто! Можно пасть со славой в Полтавском сражении или в битве с турками, можно при Гангуте утонуть, а можно загнуться от простуды, не говоря уж о холере и чуме... Антибиотиков нет, даже аспирин еще в проекте, и панацея от всех болезней – ром и джин. Ну, в России водка и малиновое варенье... Зато народ со СПИДом не знаком, с куриным гриппом и атипичной пневмонией! Помирает честно и просто – от ран, полученных в бою, от геморроя, грудной жабы, подагры и удара.³⁷

Он ухмыльнулся, вытащил из-за пояса трубу и осмотрел горизонт. Ничего... Ни корабельного паруса, ни рыбацкого баркаса... Только море в белых барашках, солнце да небо с перьями полупрозрачных облаков. Ясный день, даже не верится, что уже ноябрь... Но, с другой стороны, места тут южные, южнее Севильи и Гранады километров на шестьсот. Одно слово, Африка! Африка впереди, а за спиной Канарские острова, что станут лет через триста модным курортом и не боевые галеоны будут плавать у их берегов, а яхты и серфингисты...

На мостик поднялся Сэмсон Тегг. От него пахло металлом, кожей и порохом. Встав рядом с Серовым, он кивнул ван Мандеру, подзывая его к капитану, и вымолвил:

– Умеешь ты с парнями толковать, Эндрю. Трудятся как дьяволы, клянусь пресвятой Троицей! Я всегда считал, что язык капитану важнее ножа и пистолета.

– Покойный Брукс был лихой капитан, хоть неразговорчивый, – произнес подошедший ван Мандер. – Спаси Господь его душу! Как подумаю, что мается он сейчас в преисподней, так в пот бросает!

– Все туда попадем, – легкомысленно заметил Тегг. – А пока мы еще пребываем в этой юдоли слез и печалей, надо добавить того и другого магометанским псам. Как будем брать их городишко? Ты уже придумал, Эндрю?

– На ночь ляжем в дрейф у берега, а ранним утром атакуем, – сказал Серов. – Главное, не пропустить городских огней, подойти на четверть мили и не напороться на какую-нибудь скалу. Надеюсь, Абдалла послужит нам лоцманом.

Бомбардир покосился на шканцы, где ватага де Пернеля заряжала мушкеты, осмотрел Абдаллу и с сомнением хмыкнул. Потом спросил:

– Куда мне стрелять? Как считаешь, крепость там есть? Или форты, рavelины, береговые батареи?

Серов вытащил из-за обшлага камзола лист с планом укреплений, развернул и показал своим помощникам. Глаза у Тегга округлились.

– Чтоб мне в аду гореть! Это откуда, капитан?

– Де Пернель и Абдалла нарисовали. Рыцарю кое-что запомнилось, а Абдалла бывал в магрибских городах и в Эс-Сувейре тоже. Мелкий городок, население – тысяч пять, рыбаки да торговцы. Крепости нет, гарнизон малочисленный и слабый.

Он принялся объяснять диспозицию, а когда закончил, Сэмсон Тегг, метнув взгляд на шканцы, произнес:

– Подозрительны мне эти двое, что Абдалла, что Деласкес. Парни наши их разговорили – ну, как обычно бывает... надо же знать, с кем ешь и спишь, и с кем под пули лезешь... Тем более что взяли их не на Тортуге или Ямайке, а на испанской посудине.

³⁷ Грудная жаба – старинное название стенокардии, предвестницы инфаркта; удар – инсульт.

– И что они говорят?

– Странная история, капитан. Будто приплыли они в Малагу за партией оружия. С Мальты пришли, на фелюке.³⁸

– За оружием? – Серов приподнял брови. – По заданию Ордена или как?

– Или как. То есть по собственному разумению. Орден этот, видишь ли, на Мальте укрепился и воюет с турками да сарацинами, так что оружие всегда в большой цене, особенно толедские клинки. Их из Испании трудно вывезти... Но наши шустрилы такое прежде проворачивали и барыши имели приличные. А в этот раз попались.

– На контрабанде?

– Нет. Местному алькальду³⁹ их рожки не понравились, слишком на мавров похожи. Судно велел арестовать, а приятелей наших схватить – и на дыбу. Деласкес, помнится, сказал, что прямо в Малаге их повязали... Но потом признался, что один знакомец их предупредил – бросили они свою фелюку и уткнулись в Кадис, от греха подальше. А там корабль стоял, этот проклятый «Сан-Фелипе», который мы разбили... Сунули взятку офицеру, все золото отдали, что было при себе, и тот их в трюме спрятал, обещал из Испании вывезти и высадить на Канарах. Такая вот история.

– Кому они это рассказывали? – поинтересовался Серов.

– Всем, кто спрашивал. Брюсу Куку, Мортимеру, Люку Форесту... ну, и другим тоже.

– И что тебе не нравится, Сэмсон? В Испании – инквизиция, и шутки с нею плохи.

Правильно сделали, что уткнулись.

Бомбардир пожал плечами:

– Слишком ловко у них это вышло. Я по карте смотрел: от Малаги до Кадиса – сотня миль, три раза могли их словить, а не словили! Опять же этот испанский офицер с «Сан-Фелипе»... Наверняка из дворян, а деньги взял! Странно, разрази меня гром!

– Деньги всем нужны, так что я в их байках ничего странного не вижу, – заметил Серов и поглядел на шканцы. – А что ты о рыцаре скажешь, о де Пернеле? Он тебе тоже подозрителен?

– С этим хлопот не будет. Прямой, как мачта, простой, как топориче. Что на душе, то на морде и на языке. Но к берегу не он корабль поведет, а этот Абдалла. А у нас осадка девять футов. Не приведи Господь, сядем на мель!

– Другого лоцмана нет, – рассудительно сказал ван Мандер. – Но я за этим парнем послежу! В два глаза буду смотреть!

– Пошли на мачты Рика Бразильца и Олафа, – велел Серов. – Пусть высматривают берег. А теперь...

Они склонились над чертежом, обсуждая план атаки. Попутный ветер раздувал паруса «Ворона», и с каждым часом судно приближалось к земле. К таинственному и страшному Магрибу, где правит султан Мулай Измаил.

* * *

Их опасения были напрасны – Абдалла не посадил фрегат на мель и не разбил о скалы, а вывел точно к Эс-Сувейре. Берег, залитый тьмой, разглядеть не удавалось, город и порт тоже тонули во мраке, но мавр ориентировался по зареву, что затмевало звезды у горизонта. Как объяснил Абдалла, то были отблески костров на базарной площади, где веселье продолжалось всю ночь. Судя по этим огням, берег находился в миле с четвертью.

³⁸ *Фелюка* – малое средиземноморское судно. Длина 15–20 м, две мачты с латинскими парусами и от шести до десяти пар весел; обычно торговый корабль без пушек, но может нести легкие орудия.

³⁹ *Алькальд* – в Испании и странах Латинской Америки судья, который также возглавляет полицейскую службу.

Корабль дрейфовал под зарифленными парусами до той поры, пока на востоке не засияла золотистая точка восходившего солнца. В ту же минуту ван Мандер распорядился поставить кливер, фок и фор-марсель, и судно, подгоняемое свежим бризом, направилось к гавани. Неширокий проход в нее охраняли две батареи на южном и северном мысах, и Серов разглядел в трубу, что пушки там и правда малого калибра, как говорил Абдалла, и годятся лишь пугать ворон. Между этими жалкими фортами тянулись деревянные причалы с лодками рыбаков и пиратскими судами, а за ними стояли в ряд хлипкие сараи, крытые пальмовым листом и тростником. Три сарая у северного форта были побольше, и их окружала высокая изгородь из столбов и жердей, переплетенных ветвями колючего кустарника; за южным укреплением виднелись хижины, привязанные к кольям ослы и бродившие на свободе собаки и козы. Абдалла пояснил, что за изгородью держат рабов-христиан с пиратских галер, а хижины – солдатские казармы, для тех из воинов, кто не имеет городского жилья. Остальные сараи были торговыми складами.

За портом лежала базарная площадь, забитая повозками, палатками, навесами, глиняными хибарами, верблюдами, быками и множеством людей; несмотря на ранний час, там дымили жаровни, и оттуда доносился гул толпы, рев быков, пьяные выкрики и звонкие удары молота о наковальню. Дальше начинался город: хаос улочек между глиняных стен, загон для скота, растрепанные кроны редких пальм и три-четыре белых минарета при мечетях. Еще были какие-то башни – то ли незаконченные укрепления, то ли развалины крепости или дворца в дальней стороне от моря. Над городом, перекрывая шум с базарной площади, плыл протяжный стон муэдзинов, призывавших правоверных к утреннему намазу. Звуки показались Серову знакомыми – слышал такое в Чечне.

У причалов он насчитал семь шебек, подумав с сердечным трепетом, что, быть может, три из них принадлежат Караману. Пленники в этом случае сидели в загоне для рабов, но была ли там Шейла?.. Этого он не знал. Возможно, ее заперли на одном из кораблей, возможно, отвезли в город... Серов снова осмотрел пиратские шебеки, надеясь обнаружить следы ночного боя, поломанный фальшборт или что-то в этом роде, но не увидел ничего подходящего. Мачты кораблей были голы, паруса свернуты, палубы пустынные, да и вблизи никакого движения не наблюдалось – видимо, магометане загуляли, чувствуя себя в полной безопасности.

– Пьянство и гульба до добра не доводят, – пробормотал Серов и приказал открыть порты. Двадцать четыре орудия «Ворона» мрачно уставились на город. До берега было метров триста, и обе береговые батареи находились сейчас в точности на траверзе,⁴⁰ под прицелом бортовых пушек.

Он отдал команду, и над бухтой раскатился грохот залпа. Тегг стрелял из шести орудий с каждого борта; тяжелые снаряды развалили защитный бруствер, разбили и опрокинули пушки. Над батареями магометан за клубилась желтая пыль, раздались панические вопли, заметались фигурки солдат. Вероятно, ночная стража дремала на укреплениях – воины были полуголыми, и среди них Серов различил темнокожих сенегальцев.

Снова рывкнули орудия «Ворона». На этот раз Тегг выпалил картечью – мечущиеся фигурки попадали, и желтое облако сделалось гуще – разрушив глиняные брустверы, ядра и картечь взбили густую пыль. Вероятно, живых на фортах уже не осталось – «Ворон» пал на них как гром небесный.

– Спустить паруса! – выкрикнул ван Мандер. Абдалла, навалившись на штурвал, разворачивал корабль бортом к берегу, трое корсаров готовились бросить якорь, Хрипчатый Боб распоряжался у шлюпок, висевших на таях. Абордажная команда, сорок с лишним человек, бряцающая оружием, собралась на шканцах и шкафуте.

⁴⁰ *Траверз* – направление, перпендикулярное курсу судна; морской термин, происходящий от французского «traverse».

Из люка высунулся Тегг.

– Куда стрелять, капитан? Врезать по лоханкам, что болтаются у пирсов?

– Нет. – Серов опустил подзорную трубу. – Суда без экипажей, и, думаю, они нам еще пригодятся. Бей по складам, Сэмсон, и постарайся не попасть в торговые ряды.

– Хмм, по складам... А если в них что-то ценное?

– Вряд ли, судя по их виду. Мы возьмем свое на базаре.

Тегг исчез. Якорь с плеском пошел в воду, захватил грунт, и цепь натянулась, торозя движение «Ворона». Наконец корабль замер, развернувшись к берегу левым бортом. До твердой земли оставалось около кабельтова, и подходить ближе Серов опасался, так как осадка у фрегата была гораздо больше, чем у пиратских шебек. Но даже с такого расстояния пушки могли послать ядра через базарную площадь, сокрушить городские строения и уничтожить десятки их обитателей. Однако бомбардировать город он не собирался – в конце концов, жившие в Эс-Сувейре люди не отвечали за Ибрагима Карамана и прочих магрибских разбойников.

Ядра со свистом понеслись к берегу, и над глинобитными складами взмыла такая же желтая туча, как над поверженными фортами. В ней кружились сорванные кровли, жерди, балки, какие-то корзины и тюки, потом над одним из складов громыхнуло, и в небо выплеснул фонтан огня – видимо, снаряд угодил в запасы пороха. Площадь, что простиралась за линией складов, замерла; разглядывая ее в трубу с высоты квартердека, Серов увидел, что всякое движение прекратилось, даже перепуганные животные перестали реветь. В этот миг пестрый восточный базар походил на картину: застывшие купцы и покупатели, ослы, верблюды и быки; груды овощей и фруктов на повозках, яркие ткани, медная посуда, корзины с рыбой в серебристой чешуе; кузнец, поднявший молот, торговцы мясом и лепешками у своих жаровен, группы ошеломленных пиратов рядом с кабаками. В следующую секунду все смешалось; переворачивая лотки и повозки, топча товары и друг друга, люди бросились прочь. Большая часть бежала к городу, но сотни две или три, вооруженных саблями и пистолетами, ринулись в порт.

– Не стрелять! – распорядился Серов, прижимая к глазу подзорную трубу. – Картечью заряжай! Жди моей команды!

Через минуту пиратская орда хлынула в развалины и потонула в пыльном облаке. Сейчас они топтались среди складских руин, между разбитыми стенами и грудями мусора, и были отличной целью. Серов прикинул расстояние – метров двести или чуть больше – и выкрикнул:

– Картечью... прямой наводкой... огонь!

Тегг не промазал, накрыв толпу атакующих и развалины складов на всем протяжении от северного до южного форта. В ту же секунду на «Ворон» обрушилась какофония звуков: стонали раненые и умирающие, в ужасе вопил разбежавшийся с площади народ, ревели быки и верблюды, и над загонем для невольников поднялся крик – похоже, гребцы сообразили, что в порту творится нечто странное. Тегг ударил картечью еще раз и вылез на палубу, оставив распоряжаться у пушек опытных канониров, Дирка Боутса и голландца Питера ван Гюйса.

– Шлюпки на воду! – велел Серов, спускаясь на шканцы.

Четыре шлюпки плюхнулись в волны, в них полетели бочонки для воды, затем начали спускаться корсары. На каждом из этих суденышек был свой старшина – Хрипатый Боб, Брюс Кук и Кола Тернан; в четвертую шлюпку, где сидел Деласкес, погрузились Серов и Тегг. Три первых отряда должны были осмотреть склады и взять добычу в торговых рядах, Серову и Теггу предстояло разбираться с гребцами-невольниками. На борту «Ворона» остались ван Мандер, Абдалла, трое часовых на палубе и два десятка канониров.

Весла вспенили воду.

– Джентльмены, напоминаю о награде за мою супругу. Триста дукатов золотом, – сказал Серов, потом окликнул Хрипатого: – Боб! Если не найдете Шейлу, поймай мне несколько магометан с галер. Живыми приведи. Я их допрошу.

– Сделаю, капитан.

Шлюпки разошлись – три прямо к пирсам, четвертая – к развалинам северного форта и невольничьему загогу. Плыли недолго, и все это время Серов не сводил взгляда с пиратских шебек. Потом спросил:

– Как думаешь, Сэмсон, есть среди них суда Карамана?

Бомбардир нахмурился, пожал плечами.

– Дьявол их знает! Дрались почти что в темноте, много не разглядишь... Но наши ядра угодили в рангоут, а я не вижу здесь посуды с поломанными реями. Все вроде бы целы.

Сердце Серова тревожно сжалось. Борт фрегата озарился вспышками выстрелов, и над их головами просвистела картечь – ван Гюйс и Боутс, как было приказано, обстреливали склады и ближний край базарной площади. Там, похоже, уже ничто не шевелилось, не ворочалось и не вопило.

Нос шлюпки ткнулся в песок, корсары перебрались на сушу. Кроме Тегга и Деласкеса тут были самые надежные люди: Рик, братья-датчане, Кактус Джо и Страх Божий. У каждого тесак, мушкет и пара пистолетов.

Отряд обогнул руины форта. Облако пыли уже осело, и над трупами двух дюжин полунатых солдат кружили вороны. Пахло порохом, кровью и нагретой солнцем глиной. Серову чудилось, что их атака была такой стремительной, что с первого залпа прошло не более пятнадцати минут. Он сдвинул обшлаг камзола, взглянул на запястье и вспомнил, что отдал часы жене. Свой драгоценный брегет «Орион», последнюю память о прежней жизни... Кто теперь их носит, кому они достались?... Мысль мелькнула и исчезла. Шейла, и новая жизнь, и их дитя, которое она носила в чреве, были гораздо дороже любых потерь.

Они вышли на площадку перед воротами загона. Плотная, прокаленная солнцем земля имела красноватый оттенок, и из нее торчала шеренга столбов; одни – пустые, отполированные до зеркального блеска, с других свисали какие-то лохмотья, прикрученные истлевшими веревками. С ужасом Серов сообразил, что перед ним останки людей, скелеты с гниющей плотью, от которых тянуло мерзким запахом, таким отвратительным, что даже вороны-трупоеды здесь не кружили. Он судорожно вздохнул, бросил взгляд на своих спутников, но их лица были равнодушными. Только Страх Божий пробормотал:

– Басурмане, свинячьи хари... турецкая нечисть...

Для Страха, ворочавшего весло на турецкой галере, все правоверные являлись турками.

Изгородь, за которой виднелись крыши сараев или навесов, была ярда три в высоту и щетинилась шипами в половину пальца – преграда не хуже, чем колючая проволока. За ней слышался гул сотен голосов; орали на английском, французском, испанском, итальянском и еще на каком-то языке, смутно знакомом Серову – должно быть, на португальском. Ворота из толстых досок – не иначе как с корабельных палуб – содрогались под ударами; били изнутри чем-то тяжелым, и сквозь грохот и треск дерева звучали торжествующие вопли.

– Подождем, – сказал Серов. – Еще немного, и они разнесут ворота.

Кактус Джо огляделся.

– Что-то не видать охраны, капитан. Прикажешь посмотреть?

– Не нужно. Думаю, их охраняли солдаты с форта, и теперь они либо мертвы, либо сбежали. Но мушкеты держите наготове и растянитесь вдоль края площадки.

Покосившись на столбы с мертвецами, Серов занял позицию шагах в двадцати от ворот. Их запирала балка полуфутовой толщины, окованная железом, переломить которую не смог бы даже слон. Не успел он об этом подумать, как ворота рухнули вместе с балкой и

столбами, к которым крепились створки, и наружу хлынула толпа оборванцев. Разобрать, кто к какому роду-племени принадлежит, возможности не было – все казались истощенными, с обожженной солнцем кожей, грязными, засыпанными пылью, скрывавшей даже цвет волос. На плечах, руках и бедрах лиловели шрамы от бича, тела покрывали язвы, синяки и ссадины, тряпье, обернутое вокруг пояса, свисало до колен. То была толпа оживших мертвецов, жутких зомби или вампиров из голливудских лент в жанре хоррор; ни в прежней, ни в этой жизни Серову не доводилось видеть ничего подобного.

Орда валила прямо на него. Он поднял пистолет, выстрелил в воздух и крикнул:

– Стоять! Ни шага дальше!

Крикнул на английском, повторил на французском и кивнул Мартину Деласкесу – мол, переведи. Тот повторил приказ на испанском, португальском и итальянском.

Зомби остановились. Судя по массе, подпиравшей передние ряды, их было сотен пять или шесть – возможно, больше. Но Уота Стура и других людей с «Ворона» в этой толпе не оказалось.

– Я капитан корсарского судна с британским и французским экипажем, – громко произнес Серов. – Мое имя Андре Серра, и мной захвачен порт Эс-Сувейры. Я ищу Карамана по прозвищу Одноухий Дьявол, ищу его людей и гребцов с его галер. Тот из вас, кто может что-то рассказать о Карамане, будет награжден.

Деласкес начал переводить, но, похоже, речь Серова была и без того понятна – гребцы-невольники на магрибских галерах говорили на смеси едва ли не всех европейских языков. В их рядах наметилось шевеление, и, расталкивая товарищей по несчастью, вперед вышел невысокий, но крепко сбитый человек в лохмотьях, в которых угадывался некогда приличный морской камзол. Ноги у него были коротковаты и кривоваты, и двигался он слегка покачиваясь, словно шагал не по твердой земле, а по настилу корабельной палубы.

– Чак Бонс, сэр, шкипер из Саутгемптона.⁴¹ – Человек поклонился – в пояс, но с чувством собственного достоинства. – Галеры Карамана сюда заходили, сэр, но ненадолго, на половину дня. В заборе дырки есть, я смотрел... Три галеры, и на одной меняли стеньги и нижние реи. Спешили, сэр, команды на берег не пускали, только сам Караман съехал. Потом вернулся, и ушли его суда вчера, после полудня.

– Дьявольщина! Опоздали! – пробормотал Серов, сжимая кулаки. Потом сказал: – У тебя зоркие глаза, мастер Бонс. Кто был в шлюпке с Караманом?

– Четыре гребца и трое турок с саблями. Видать, телохранители, сэр.

– Больше никого?

– Никого, сэр. Клянусь якорем и мачтой!

– Моряк, – шепнул бомбардир за спиной Серова. – Ты посмотри, как он ходит, как держится, как говорит... Настоящий моряк! Наш парень! Берем!

Серов едва заметно кивнул и вытер пот с висков шелковым платком.

– Ты достоин награды, мастер Бонс. Чего хочешь – денег или попасть в мой экипаж?

– Если позволите, сэр, я хотел бы присоединиться к экипажу. А деньги... что деньги...

Кто плавает с вольными мореходами, у того всегда звенят в карманах монеты.

– Ты сделал верный выбор, – произнес Серов. – Иди сюда и встань рядом с моими людьми. – Дождавшись, когда Бонс займет место рядом с Эриком Свенсоном, он оглядел толпу невольников и спросил: – Тот, кто желает чего-то добавить, пусть говорит. Нет таких? Ладно! Объявляю вас всех свободными. Испанцы могут идти на причал, садиться на галеры, выбирать себе начальников и отправляться в море. И торопитесь, души христианские, пока мои пушки смотрят на город! Из остальных я хочу отобрать в команду полсотни человек.

⁴¹ Саутгемптон – портовый город на юге Англии.

Кому интересно, тот строится здесь, у ворот, прочие идут за испанцами и выбирают себе корабли. Это все!

Вместе с Теггом и Деласкесом он отступил к шеренге корсаров, стоявших с оружием наготове. Толпа забурилась. Множество течений вдруг зародилось в ней; бывшие рабы перекликались, сбивались в группки по три-четыре человека, группы соединялись в отряды, и у каждого, похоже, был свой вожак и некое ядро из близких к предводителю людей. Вскоре от этого человеческого водоворота оторвалась толпа поменьше – собственно, уже не толпа, а команда в сотню душ – и заторопилась к причалам. За этим отрядом последовал другой, третий, четвертый.

– Не передрались бы из-за кораблей, – промолвил Серов.

Тегг пожал плечами.

– Там семь корыт, на всех хватит. А передерутся, так то не наше дело. Ты уже оказал милость испанским псам. Я бы их... – Он вытянул руку, ткнул указательным пальцем в спины уходящих и очень похоже изобразил звук пистолетного выстрела.

У ворот остались сотни две. Корсары, раздавая пинки и зуботычины, построили их в шеренгу, и Серов, в сопровождении Тегга, прошелся пару раз туда-сюда, всматриваясь в изможденные лица. Тощими были все, но сквозь оупляющую маску страданий и лишений проглядывало временами нечто иное – несгибаемое упорство, отблеск надежды и веры, гордость и даже намек на интеллект. Эти люди больше не казались Серову ожившими покойниками; каждый был как распрямившийся росток, хилый, едва пробившийся сквозь землю, и вдруг облаканный солнечным светом и теплом. Но это относилось к разряду эмоций, а разум подсказывал, что выбрать нужно мореходов и опытных бойцов.

Этого, этого и этого... Он слушал, что шепчет за спиной Тегг – его помощник, промышлявший много лет пиратским ремеслом, лучше разбирался в людях. Чему не приходилось удивляться – ведь Сэмсон Тегг был уроженцем этой эпохи и инстинктивно чувствовал, кому суждено убивать и грабить, а кто пополнит ряды ограбленных.

Они отобрали пятьдесят семь волонтеров. Остальным Серов велел убираться, спешить на пристань к кораблям, а если свободных уже не найдется, сказать испанцам, чтобы убивались с шебеки вон. Строго сказать, от лица капитана Серра, который стоит за справедливый дележ и готов подтвердить свое мнение пушками.

Несостоявшиеся корсары удалились, а Серов прошелся еще раз вдоль строя, взгляделся в физиономии новых своих бойцов и проговорил:

– Надеюсь, все поняли, на что идут. Если кто-то решил, что прокатится на моем корабле в Европу и слиняет в первом же приморском городе, то это большая ошибка. Такому прохиндею я обещаю пенковый воротник и уютное место на свежем воздухе, на грота-рее. Ну что, никто не одумался? Еще не поздно выйти в море с другим капитаном и на другом корабле.

Он махнул в сторону галер, на которые грузились бывшие невольники. Ни один человек не вышел из строя, и Серов, довольно усмехаясь, разбил шеренгу на три ватаги, отдал их в подчинение братьям Свенсонам и велел идти к шлюпкам, выкатить бочки, залить их водой и доставить обратно на корабль.

Миновал полдень. Они с Теггом собрались уже двинуться вслед за волонтерами, но тут появились Джек Мортон и Ян Коллет из ватаги Тернана, гнавшие прикладами трех окровавленных бритоголовых турок. Серов, памятуя опыт прежней жизни, отличал их от арабов с легкостью: турки были светлокожими и походили на европейцев много больше, чем смуглые, с резкими чертами сыны аравийских пустынь. Среди магрибских пиратов турки мнили себя белой костью и занимали офицерские посты.

– Подарок от Хрипатого, сэр, – доложил Джек Мортон. – Трое живых сарацин. Прятались под возком на базаре.

– Кто такие? Должности, имена? – Серов кивнул Деласкесу. – Спроси их, Мартин.

Деласкес бегло заговорил по-турецки, но пленники молчали, и лишь один презрительно бросил: гяур! Слово в переводе не нуждалось, так что Серов, нахмурившись, велел Рiku и Страху Божьему привязать турок к столбам. Лицо Страха налилось кровью, и клейма на лбу и щеках сделались заметными – особенно то, которое он получил в турецком плену. Несомненно, эта отметина была знакома пленникам; они бледнели на глазах, сообразив, что от бывшего галерника пощады не дождешься. Выкручивая им руки, Страх невнятно бормотал на турецком – видно, обещал массу удовольствий от ножа и огня.

Деласкес снова обратился к пленникам, но не услышал от них ни слова.

– Так дело не пойдет, – заметил Тегг, вытаскивая рожок с порохом. Оттянув шаровары у крайнего турка, который выглядел постарше, он сыпанул ему порох на живот и ниже и с дьявольской усмешкой произнес: – Сейчас твои яйца поджарю, пес помойный. Рик, отколи от ворот хорошую щепку и сделай мне факел. А ты, мальтиец, переводи. Скажи, что смерть у них будет долгой и весьма мучительной.

По щекам турка заструился пот. «Дурбаши,⁴² – пробормотал он с ужасом, и снова: – Дурбаши!» Потом начал говорить. Его звали Селим, и на одной из шебек он служил помощником капитана. Два его молодых приятеля командовали воинами, каждый – десятком бойцов.

– Вчера в Эс-Сувейру приходили корабли Карамана, и он с семьей своими людьми побывал на берегу, – сказал Серов. – Кто из вас троих его видел? Куда он ушел?

Деласкес начал переводить, турки закачали бритыми головами, потом один из молодых пустился в какие-то объяснения.

– Они говорят, что не встречались с Караманом, но знают о его флотилии, – перевел мальтиец. – На одной шебеке были разбиты реи, их заменили и тут же отправились в море. Осенью хорошая погода – редкость, и Караман спешил к себе, на Джербу, что у берегов Туниса. Вот этот десятник, – Деласкес показал на молодого турка, – был в гавани и говорил с одним из карамановых людей, с гребцом, что слонялся у шлюпки. Он уверен, что Караман отплыл на Джербу. Обычно реис там зимует.

– Что еще сказал гребец? Пусть этот нехристь припомнит все, о чем говорили. Жизни я ему не обещаю, но быструю смерть подарю. Иначе... – Серов показал на факел в руках Рика Бразильца.

На этот раз турок что-то объяснял довольно долго.

– Человек Карамана хвастался, что они потопили два корабля христиан. Правда, потеряли шебеку и многих людей убитыми, не взяли ни золота, ни серебра, но реис Караман все равно доволен. Аллах послал ему красавицу-махвеш, которая стоит корабля и всех ахмаков,⁴³ что плавали на нем. Караман подарит ее дею Алжира, и тот осыплет его милостями.

Серов глубоко вздохнул. Ледяные тиски, сжимавшие его сердце, исчезли. Мысленно он уже видел, как «Ворон» подходит к пристанищу пиратов у тунисского берега, как летят ядра, разбивая башни, брустверы, стены, как сотня его парней, выхватив клинки, идет в атаку, как Шейла Джин Амалия выбегает навстречу ему и бросается на грудь. Завершалась эта картина еще одним сладким видением: Одноухий Дьявол пляшет в петле на рее «Ворона».

Он сделал знак Страху Божьему.

– Убей их, Стах. Быстро убей, не мучай.

Повернувшись, Серов зашагал к шлюпкам, у которых сустились новобранцы, затаскивая бочки с водой. Над ним пролетели ядра, грянули где-то на базарной площади, потом сзади раздался предсмертный хрип – Страх Божий резал турецкие глотки. Тегг, отстав, принался расспрашивать Мортон и Коллета, что за добычу взяли в торговых рядах, и есть ли

⁴² Дурбаши – палач (турецк.).

⁴³ Махвеш – месяцеликая, ахмак – дурень, дурак (турецк.).

что-то ценное в разбитых складах. Мортон отвечал, что в складах масло, финики, рыба и прочая дрянь, жалеть о которой не стоит – такого добра на базаре полно, а вот в торговых рядах сыскались предметы поинтереснее – слоновые бивни, неплохие ткани, деньги и украшения. Из ювелирных лавок выгребли все, а в оружейных взяли сабли с камнями в рукоятях и в драгоценных ножнах. Нашлась и кое-какая посуда из серебра, подносы, миски да кувшины. В общем, как считает боцман, тысяч на сорок песо отоварились.

Когда Серов со своей свитой приблизился к пирсам, шлюпки, груженные бочками, уже отплыли, и пять шебек из семи готовились к выходу в море. Бывшие невольники с прежней сноровкой разбирали весла, те, кто умел работать с парусами, лезли на мачты, и несколько человек тащили из складских развалин что под руку попадется: смоквы и финики в корзинах, соленую рыбу в мешках, пальмовое масло в глиняных кувшинах и остальной провиант. Серов вызвал Эрика Свенсона, велел облить маслом палубы на двух оставшихся шебеках и поджечь суда.

С базарной площади стали возвращаться корсары – повеселевшие, бодрые, с тем хищным блеском в глазах, который рождается в поисках чужих сокровищ, быстро и равнодушно меняющих хозяина. Брюс Кук со своей ватагой погонял запряженных в повозки быков, в повозках громоздились кипы ярких тканей, наваленная грудями одежда, сапоги из мягкой кожи, узкогорлые чеканные кувшины, широкие тазы и прочая рухлядь. Что было подороже, тащили в руках: мешочки, в которых позванивало серебро, дорогие клинки, ларцы и шкапулки, набитые серьгами, подвесками и ожерельями. Мортимер, с сияющей рожей, волочил огромный серебряный поднос, украшенный арабскими письменами; Герен и Форест гнали блеющих овец, Кирстен Брок нагрузился верблюжьей упряжью с колокольчиками, Алан Шестипалый нес сундучок с флаконами благовонного масла.

Следом за этой процессией, тащившей богатства Востока, явился Хрипатый Боб, а с ним – три сарацина в белых одеждах. Один был почтенным старцем с бородой до пояса, другой тоже пожилым, тучным и осанистым, тяжело вздыхавшим на каждом шагу. Третий, тощий и вертлявый, казался рангом пониже; он шел за первыми двумя, испуганно озираясь и что-то бормоча под нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.